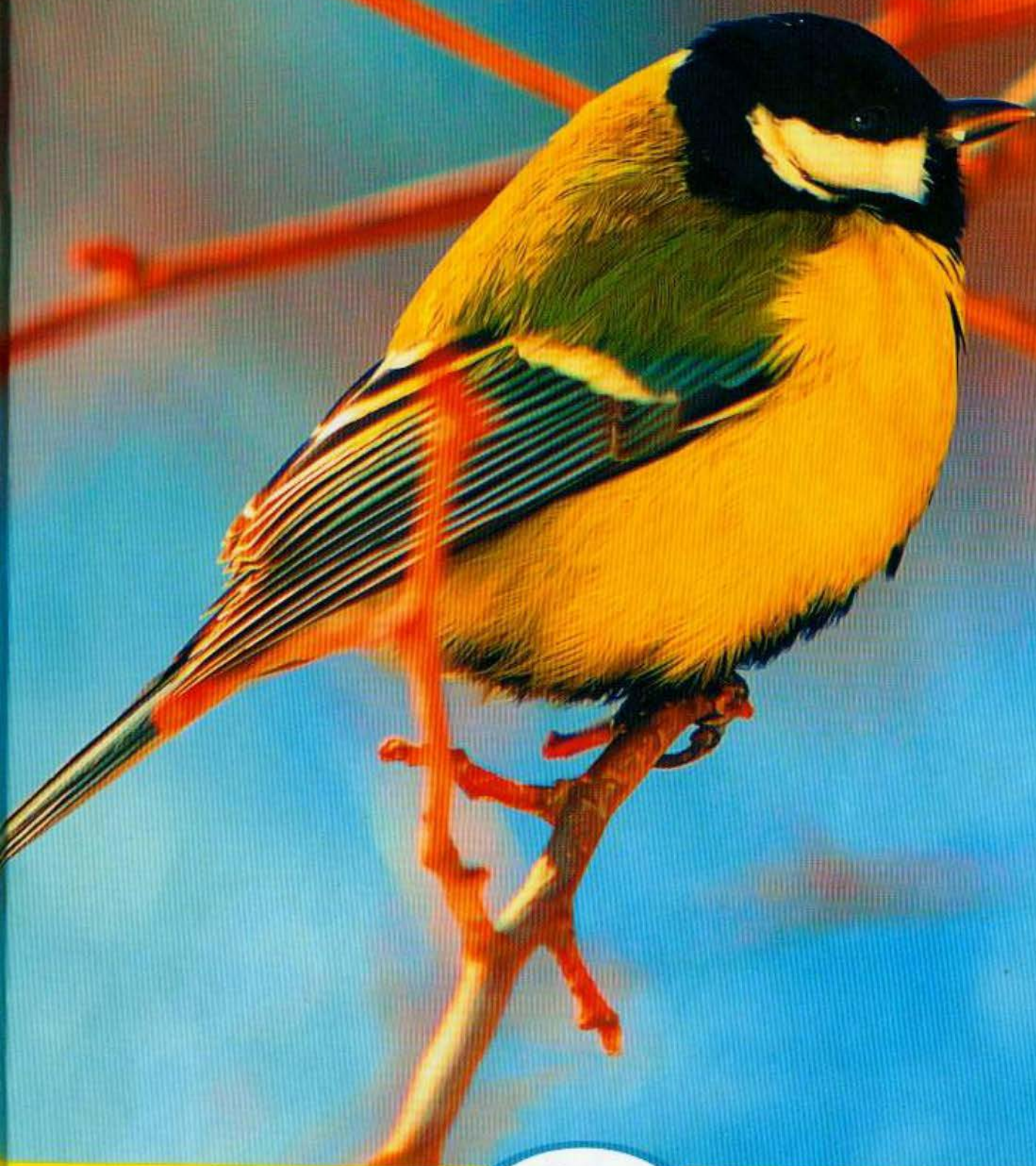

Ф

З В Е Р И

П Т И Ц Ы

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

Лесные тайнички

иллюстрации Никиты Чарушина

Николай Сладков

Лесные тайники

Рисунки Никиты Чарушина

Санкт-Петербург

Амфора

2010

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6
С 47

Иллюстрации Н. Чарушина

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Сладков Н.

С 47 Лесные тайнички : [рассказы, сказки] / Николай Сладков. —
СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. — 95 с. : ил. — (Серия «Звери
и птицы»).

ISBN 978-5-367-01703-8

Сборник рассказов и сказок известного писателя-натуралиста.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-367-01703-8

© Кольчевская Е. Н., 2010
© Н. Е. Чарушин, наследники,
иллюстрации, 2010
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2010

Зелёную лесную страну населяют удивительные жители: в перьях, в шерсти, в телуе. И удивительные там происходят события. Только там можно попасть под медовый дождь или грибной снег, увидеть жабьего короля, услышать змею-кузнечика. Встречи там всегда неожиданны, знакомства негданны, а загадки там — на каждом шагу. Охота за ними — радостная охота. Счастливая охота в зелёных родных лесах.

Всё есть у тебя для путешествия в страну лесов: ноги, чтобы идти, уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видеть. И голова — чтобы всё понять.

Каждый год мы путешествуем вокруг Солнца. Летим на нашей Земле, как на огромной ракете. В пути пересекаем двенадцать месяцев — словно двенадцать разных стран. Проносятся мимо зелёное лето, золотая осень, белая зима и лазоревая весна. Мы летим вокруг Солнца.

Январь

Январь — месяц больших молчаливых снегов. Прилетают они всегда вдруг. Вдруг ночью зашепчутся, зашепчутся деревья — что-то творится в лесу. К утру станет видно: пришла настоящая зима! Лес утонул в дремучих сугробах. Под холодным сводом неба, покорно склонив тяжёлые головы, застыли скорбные белые деревья.

Вместе со снегом налетели и набежали в лес диковинные невиданные существа. Они расселись по пням и сучкам, вскарабкались на ёлки и сосны странные белые фигурки, неподвижные, незнакомые, но на что-то очень похожие...

Тут вылез из сугроба лесной человечек в огромной белой папахе. Там, на пеньке, сидит не то белочка, не то зайчик. Сложил он белые лапки на белое пузечко, молчит и смотрит на белый лес. На камне у речки белая Алёнушка: склонила голову на плечо, подпёрла белой ладошкой

белую щёчку. Обласкало солнце пригорюнившуюся Алёнушку, и с мохнатых хвойных ресниц её закапали слёзы...

А вот зверёк-оборотень. Сделай шаг в сторону, посмотри чуть со стороны — и обернётся зверёк простым сучком, запорошенным снегом. Вот птица не птица, зверь не зверь: пальцем тронь — рассыплется в прах.

Белые медведи и белые совы. Зайцы, куропатки, белочки. Сидят, лежат и висят.

Полон лес диковинных птиц и зверей. Хочешь увидеть их — поторопись. А то дунет ветер — поминай как звали!

КУСОК ХЛЕБА

На мусорную кучу зимой только сытый не летит. Но сытых зимой мало. Всё видят голодные птичьи глаза. Чуткие уши всё слышат. Думаете, раз птичьи уши не заметны, то они и не чутки? Как бы не так! Тихо скрипнет дверь — а птицы слышат. Хозяйка выплеснет из ведра помой — сразу увидят. Уйдёт — они тут как тут. Они — это вороны, галки, сороки и сойки. Птицы смышлёные, осторожные, хитрые. Человека они знают и знают, когда его надо бояться. Больше всего они любят тех, кто не обращает на них внимания. Но внимание на них трудно не обратить.

Вороны прилетают, шумя отсыревшими крыльями, и забавно моргают, мелькая белым веком. Будто закатывают глаза от удовольствия.

У сорок на чёрных бархатных спинках искрятся снежинки. А хвосты и крылья будто покрашены нефтью: отливают зелёным, лиловым и жёлтым.

Чёрные галки — в серых воротничках, глаза у них белые и удивлённые.

Сойка наряднее всех: рыжий хохол, на крыле голубое — как рябь на воде. Ладная, ловкая. Полный рот набьёт, даже горло раздуется. И скорее в лес: по углам рассосать. Рассуёт и снова летит. Страшно, а летит. От страха даже рот открывает и хохол поднимает дыбом. Даже бормочет что-то под нос. Но голод ещё страшней.

Голод пригнал галку-инвалида. Какой-то охотник отстрелил ей нижнюю половинку клюва. Ни клюнуть, ни взять, ни почистить перья.

Села, странно тонконосая, взъерошенная, отощавшая, с перьями-сосульками на брюшке. Будь что будет.

Положила головку на снег и боком-боком уцепила кусок. Кусок — день жизни. Будет ли он и завтра?

Видимо и невидимо птицы вокруг жилья.

Стукнула дверь: друг или враг? С ведром или с ружьём?

Лучше бы спрятаться, да надо лететь. На мусорную кучу только сытый зимой не летит. А сытых зимой мало.

СВОЯ ПЕСНЯ

Все птицы хороши, но скворцы с особой изюминкой; каждый у них в особицу, один на другого не похож.

Пером и росточком одинаковы — скворцы и скворцы! — да у каждого свой талант. Один вдруг чечевицей крикнет, а сосед — куличком. Кому воробей по душе пришёлся, кому — жаворонок. А иному — петух, а то и кошка! И от этого скворец не просто «скворец», а «скворец с чечевичкой», «скворец с иволгой», «скво-

рец с куликом». А есть и такие, что на многие голоса молодцы.

Собрались как-то у меня зимой в клетках разные птицы: зорянка, щегол, синица, чиж, клёст да снегирь. Птиц много, но все разные, на разных языках говорят, друг друга не понимают. А самим с собой разговаривать не очень-то весело. Нахохлились птицы.

Но был среди них скворец. Пикнет, бывало, зоряночка грустно — скворец ей в ответ зоряночьим голоском: «Ти-ик!» Зоряночка насторожится, просвистит что-то. И скворец в ответ просвистит. Зоряночка весёлую нотку свистнет — скворец ответит. Потом скворец просвистит — зоряночка откликнется.

И так с каждой птицей: со щеглом, чижом, синицей, снегирём. Птицы радуются: кому не приятно на родном языке пересвистнуться! Так всю зиму и жили припеваючи.

А всё скворец! С каждым общий язык нашёл, каждого расшевелил. И себя не забыл: песню свою новыми звуками наполнил. Хороша песня стала: и своя и для всех!

СИНИЧКА НЕОБЫКНОВЕННАЯ

Звонкоголосую и белощёкую нашу синицу называют большой или обыкновенной. Что большая, я с этим согласен: она больше других синиц — пухляков, московок, лазоревок. Но что она обыкновенная, с этим я не могу согласиться!

Она поразила меня с первой же встречи. А было это давным-давно. Она попалась в мой западок. Я взял её в руку, и она... умерла! Только что была живая и резвая, щипала с вывертами за пальцы — и вот умерла. Я расте-

рянно разжал руку. Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони вверх лапками, и глаза затянулись белым. Я подержал её, подержал — и положил на пенёк. И только руку отвёл — синичка вскрикнула и улетела!

Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет — умрёт, захочет — воскреснет.

Потом я узнал, что многие птицы впадают в какое-то странное оцепенение, если их положить спинкой вниз. Но у синички это получается лучше всех и часто спасает её от неволи.

Февраль

Свистит косая метель — белая метла дороги метёт. Дымятся сугробы и крыши. Рушатся с сосен белые водопады. Скользит по застругам яростная позёмка. Февраль летит на всех парусах!

Гонятся вихри за санями, машинами, кружат хоро- воды вокруг домов, заматают пути-дороги.

Тонут в белые волнах заборы. За каждым столбом — снеговорот. Над каждой елью — белые флаги.

Завевает, кружит, заносит. Свистит, скулит, воет. Лепит в глаза, в спину толкает, дышать не даёт.

Тучи-снегосыпы сыпят снег сверху. Сугробы-снего- веи веют снег снизу. Солнце запуталось в вихрях, как золотая рыба в белой сети.

Круговерть от земли и до неба!

БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ

Нагрязнул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить?

Хорёк говорит:

— Спасайтесь кто как может!

А Сорока стрекочет:

— Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет чтобы сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно...

Тут Заяц ввязался:

— Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют — мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

— Есть-таки умная голова и в нашем лесу! — обрадовалась Сорока. — Кто следующий?

— Мы следующие! — закричали клесты. — Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и мыши, не жалко!

«Заяц — копатель, клесты — бросатели», — записала Сорока.

— Кто следующий?

— Нас запиши, — проворчали бобры из своей хатки. — Мы осенью столько осин навалили — на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиную кору да ветки глодать!

И пошло, и пошло!

Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вороны приглашают на пададь, вóроны свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусил на шум и Волк. Ушами попрядал, глазами позыркал и говорит:

— Запиши и меня в Бюро!

— Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём хочешь делать?

— Сторожем буду служить, — отвечает Волк.

— Кого же ты сторожить можешь?

— Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осин, куропаток на зеленях, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

— Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! — закричала Сорока. Проходи, проходимец, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как увижу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бюро запишу: «Сорока — сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга.

Всякое в лесу бывает.

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

Это случилось зимой: у меня запели лыжи! Я бежал на лыжах по озеру, а лыжи пели. Хорошо пели, как птицы.

А вокруг снег и мороз. Слипаются ноздри и стынют зубы.

Лес молчит, озеро молчит. Петухи в деревне молчат. А лыжи поют!

И песенка их — как ручеёк, так и льётся, так и звенит. Но ведь не лыжи же, в самом деле, поют, где уж им, деревянным. Подо льдом кто-то поёт, прямо у меня под ногами.

Уйди я тогда, и подлёдная песенка осталась бы чудесной лесной загадкой. Но я не ушёл...

Я лёг на лёд и свесил голову в чёрный провал.

За зиму вода в озере усохла, и лёд навис над водой, как лазоревый потолок. Где навис, а где обрушился, и из тёмных провалов курчавится пар. Но ведь не рыбы же поют там птичьими голосами? Может, и вправду там ручеёк? Или, может, звенят рождённые из пара сосульки?

А песня звенит. Живая она и чистая, такую ни ручью, ни рыбам, ни сосулькам не спеть. Такую только одно существо на свете может спеть — птица...

Я стукнул лыжей по льду — песенка смолкла. Я постоял тихо — песенка зазвенела опять.

Тогда я что есть силы стукнул лыжей об лёд. И сейчас же из тёмного провала выпорхнула чудо-птица. Села она на край полыньи и трижды мне поклонилась.

— Здравствуй, подлёдная певунья!

Птичка опять кивнула и спела на виду подлёдную песню.

— А я ведь знаю тебя! — сказал я. — Ты оляпка — водяной воробей!

Оляпка ничего не ответил: он умел только кланяться и кивать. Снова юркнул он под лёд, и оттуда загремела его песня. Ну и что, что зима? Подо льдом ведь ни ветра, ни мороза, ни ястреба. Подо льдом чёрная вода и таинственный зелёный полумрак. Там, если погромче свистнуть, всё зазвенит: эхо помчится, стучаясь о ледяной потолок, увешанный звонкими сосульками. Чего бы оляпке не петь!

А нам чего бы его не послушать.

ЕЛОВАЯ КАША

У всех день рождения — радость. А у клестят — беда. Ну что за радость вылупиться зимой? Мороз, а ты голышом. Один затылок пухом прикрыт.

У всех птиц родители как родители, детей летом выводят, когда тепло и сытно. Одним клестам законы не писаны. Угораздило же высидеть клестят зимой, да ещё двадцать девятого февраля! Что это за день рождения, который бывает один раз за четыре года? Прямо хоть плачь: ни зелени, ни гусеничек; снег, холод...

А родители хоть бы что!

Вон папа-клёст — сидит себе на ёлке и песни поёт. А у самого пар из клюва, будто трубку курит!

Это я так про клестят думаю.

Только вижу, что сами клестята живут — не тужат!

Клестята кашу едят. Хороша каша из еловых семян! Каши наедятся — и спать. Снизу гнездо — как пуховая перинка, сверху мама — как перьяное одеяльце. А изнутри каша греет. Ёлка клестят баюкает, ветер им песни мурлычет.

Немного дней прошло — выросли клестята. Ни горлышки не застудили, ни носы не отморозили. Да толстые такие, что в гнезде тесно. И неугомонные: чуть из гнезда не вываливаются.

Это, наверное, всё от забот маминых и от еловой каши.

А ещё от яркого солнышка и морозного ветра.

Нет, день рождения — всегда счастливый день.

Пусть даже зима и мороз. Пусть даже двадцать девятого февраля.

Всё равно!

Март

Голубой месяц март. Голубое небо, снега голубые. На снегах тени — как синие молнии. Голубая даль, голубые льды. Голубые на снегу следы. Голубые перелески, голубые канавы. Первые голубые лужи и последние голубые сосульки. А на горизонте — синяя полоска далёкого леса. Весь мир голубой!

В марте горят снега: всё усыпано солнечной сверкающей пылью. Снежное сияние обжигает лицо. На мартовском солнце даже деревья загорают. Тонкие ветви берёз становятся бронзовыми, а заросли ольхи — лиловыми.

Днём на солнце капель.

Ночью — звонкий мороз.

А на рассвете — морозный пар. Белые берёзы в седой дымке. Как будто это пар от тёплого их дыхания, как будто берёзы дышат.

Март голубой на дворе — пора яркого солнца и полосатых снегов; зиме конец, а весне — начало.

ЗАЯЧИЙ ХОРОВОД

Мороз на дворе, особый мороз, весенний. Ухо, которое в тени, мёрзнет, а которое на солнце — горит. С зелёных осин капель, но капельки не долетают до земли: замерзают на лету в ледышки. На солнечной стороне деревьев вода блестит, теневая затянута матовой коркой льда.

Порыжели ивняки, а ольховые заросли стали лиловыми.

Днём плавятся и горят снега, ночью пощёлкивает мороз.

Пришла пора заячьих песен. Самое время ночных заячьих хороводов.

Как зайцы поют — по ночам слышно. А как хоровод водят — в темноте не видать.

Но по следам всё понять можно: шла прямая заячья тропа. От пенька до пенька, через кочки, через валежины, под белыми заячьими воротцами — и вдруг закружила немыслимыми петлями! Восьмёрками среди берёзок, кругами-хороводами вокруг ёлочек, каруселью между кустов.

Будто закружились у зайцев головы, и пошли они петлять да путать. Пляшут и поют: «Гу-гу-гу-гуу! Гу-гу-гу-гуу!»

Как в берестяные дудки дуют. Даже губы подскакивают!

Нипочём им сейчас лисицы и филины. Всю зиму жили в страхе, всю зиму прятались и молчали. Довольно!

Март на дворе. Солнце одолевает мороз.

Самая пора заячьих песен.

Время заячьих хороводов.

ПЕРВЫЕ

Закапало с сосулькиных носов. Холодное небо залила тёмная солнечная дымка.

Каждую весну я с изумлением слежу за великим переселением птиц с юга. Мчат над головой быстрые кулики. Совсем недавно бегали они по отмелям тропических рек, кося глазком на зубастых крокодилов. Летят журавли, — может, на перьях их ещё сохранилась пыль берегов Нила.

Все спешат туда, где сами выклюнулись из яйца и впервые увидели синее небо и зелёную землю.

Удивительное это дело — перелёт птиц!

Но ещё больше изумляют *первые*.

Капают сосулькины простуженные носы. По ночам ещё позванивает мороз. Только крошечные проталинки наклюнулись на белых холмах, а *первые* уже тут.

...Лиловые тучи приподнялись над горизонтом и открыли оранжевую полосу зари. В оранжевую щель со свистом ворвался вихрь: зазвенела на ветру упругая жёлтая стерня. На чёрной маслянистой пашне вспыхнули от зари лужи, будто в подземных окнах включили свет.

На север, борясь с вихрем, мелькая белым брюшком, пролетела первая ласточка.

...Захлёбываюсь ветром. Ветер заливает рот, нос, глаза и уши. Тону в ветре, как тонут в бурной горной реке. Цепляюсь за жёсткие стебли травы, прячу голову за камень. Под камнем лисья нора — пахнет сырой землёй и зверем. Неглубоко в норе птичка — горный конёк. Конёк спасается от бури. Это первый конёк. Так и лежим рядом — человек и птичка. Слушаем, как обрушиваются на скалы тяжёлые валы ветра.

А в степи?

...На белую степь смотреть нельзя. Снег занастился и полыхает на солнце литым стеклом. Редко-редко чёрные точки — первые проталинки. В полдень над проталинками струится парок. И, как рождённая из пара, поднимается вверх на трепещущих крыльях птица. Льётся над снежной степью её ветряная песенка. Это первый жаворонок.

На много дней полёта впереди своих стай, терпя голод и холод, страстно рвутся вперёд первые вестники весны — *первые* птицы.

И захотелось мне узнать, какие же они, эти *первые*? Чем они отличаются от остальных? Что это за птицы, которые наперекор всем невздам обогнали свои стаи и летят впереди?

Может, эти птицы больше ростом, сильнее? Может, у них теплее перо и гуще пух? Может, крепче у них клювы и ноги? Или окраской они отличаются от всех других?

Я стал наблюдать.

Я находил их замёрзшими. Ловил обессиленных. Уж очень хотелось узнать тайну *первых*.

Подробно разглядывал я этих птиц. Ощупывал крылья, дул под перо, измерял, описывал окраску. И потом сравнивал.

Нет, ничем эти *первые* внешне не отличались от всех других. Такое же перо, та же окраска, те же размеры крыльев и клюва. Желудок только чаще бывал пуст. Да кожа под пером синеватая, без жира.

Так и не разгадал я тайну *первых*. Так и не узнал, чем отличаются передовые от летящих позади. По виду они совсем такие же.

Значит, различие у них не снаружи, а внутри. Что ж, это очень похоже на истину. Пожалуй, это так и должно быть. У всех *первых* что-то особое внутри, а не снаружи. Только вот — что?

ТЁПЛАЯ СТРУЙКА

Зима — тяжёлое время. Даже могучие звери прячутся в берлоги и норы. Трудно представить, что где-то сейчас, в тайничках под снегом, лежат окоченевшие бабочки. Бывало, чуть ветер, чуть дождь, а они уже сникли. И пыльца на крылышках сбилась и потускнела.

Но они есть, они ждут; ждут весну и тепло.

Бабочка-крапивница зимовала в стогу. Солнце нагрело стог, и заструилось от него тепло. К теплу, на припёк, и выползла неловкая и сонная бабочка. Подкрылышко одно отпало, другие оббились, стёрлась пыльца. Нелегко зимовать в стогу.

Крапивница отогрелась и затрепетала от нетерпения. Качнулся ветерок, она вспорхнула и понеслась.

И вдруг её обдало жгучим морозом; вокруг стога ещё лежали снега. Лес и луга в снегу; один стог оттаял и высох. Крапивница сникла и опустилась на снег.

Хорош мартовский снег: в гранях и блёстках, с весенней голубизной. И крапивница на нём как первый цветок.

Но кому красиво, а крапивнице — смерть. Уже окоченела совсем, когда тёплая струйка ветра от нагретого стога протянулась и к ней; она вострепелась, вспорхнула и понеслась по тёплой струе, как по знакомой дорожке. Струйка-тропинка привела её к стогу.

Каждый солнечный день теперь вылетает крапивница полетать. Смело носится над заснеженным полем. Но далеко не улетает. Текут от стога нагретые струйки, колышутся за ним, как невидимые ленты. Крапивница чувствует их тепло, они для неё — как дорожки к жизни.

Всё выше солнце, всё жарче стог, всё длиннее тёплые струи-дорожки. Всё дальше и дальше отлетает по ним от стога крапивница. Пока однажды не долетит до первой большой проталины. Там и останется весну встречать.

СНОГСШИБАТЕЛЬНЫЙ ДУШ

Простакки эти голуби!

Воробьи похитрее.

Голуби честно ищут корм, а воробьи-хитрюги за ними подглядывают. Как увидят, что голуби на подоконник слетелись, толкаться начали, так и мчат сразу, но не на подоконник, а на панель под окно.

Наверху толкотня, драка: зёрна и крошки сыплются вниз. Воробьи внизу не зевают: клюют себе с выбором. Вот пройдохи!

Но раз попали и воробьи впросак!

Видят как-то: собрались голуби, затеяли возню. Приседают, хвосты веером, хлопают крыльями. Встряхиваются, толкаются, воркуют. Но собрались они на этот раз не на подоконнике, как всегда, а внизу, на земле. Ничего не понять!

«Нас провести хотят!» — смекнули самые стреляные воробьи. И со всех сторон скорее в голубиную толчею: шмыг, порх, скок!

Но тут самому первому воробью по затылку — стук!

Да так, что он носом в снег.

Второму по спине — плюх!

Трах третьему по носу. Так брызги и полетели!

«Наших бьют!» — загалдели воробьи.

А кто бьёт?

Неизвестно. Голуби не бьют.

А первому снова — стук в голову!

Тут уж до воробья дошло — капли бьют!

Тяжеленные капли с сосуллек под крышей.

Висят высоко голубые сосульки. И с них, как из кра-
ников, капли сыплются — целый душ!

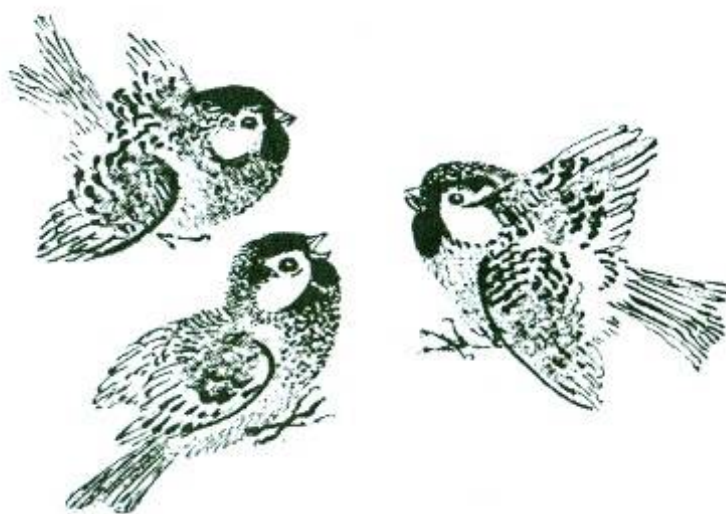
Голубям что — они большие. Толкутся себе, вертят-
ся, купаются — рады живой воде.

А воробьишкам душ не под силу: того и гляди, с ног
сшибёт и покалечит.

Взлетели воробьи на ветки. Стали клювами пёрыш-
ки перебирать да пересчитывать: все ли целы?

Который по носу получил, нахохлился.

Но ненадолго. Чего хохлиться — весна идёт!

Апрель

На всех снежных полях рыжие пятна — проталины. Это апрельские веснушки.

День ото дня их всё больше и больше. Не успеешь и глазом моргнуть, как все эти маленькие веснушки сольются в одну большую весну.

Всю долгую зиму в лесах и полях пахло снегом. Сейчас оттаяли новые запахи. Где ползком, а где на лёгких струйках ветра понеслись они над землёй.

Чёрные пласты оттаявшей пашни, как чёрные гряды волн, пахнут землёй и ветром. В лесу пахнет прелыми листьями и нагретой корой.

Запахи сочатся отовсюду: из оттаявшей земли, сквозь первую зелёную щетинку травы, сквозь первые цветы, похожие на брызги солнца. Струйками стекают с первых клейких листочков берёз, капают вместе с берёзовым соком.

По их невидимым пахучим тропинкам торопятся к цветам первые пчёлы и мчатся первые бабочки. Зайчишки так и шмыгают носами — чуют зелёную травку!

И сам не удержишься, сунешь нос в ивовые барашки. И станет твой нос жёлтым от липкой пыльцы.

Быстрые лесные ручьи впитали в себя запахи мхов, старой травы, лежалых листьев, тяжёлых берёзовых капель — и понесли по земле.

Запахов всё больше и больше: они всё гуще и слаще.

И станет скоро весь воздух в лесу — сплошной запахом. И даже первая зелёная дымка над берёзами покажется не цветом, а запахом.

Веснушки-проталинки слились в весну.

ОТТАЯВШИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Всё, что случилось зимой в лесу, — всё скрыл снег. Злодейство ли, доброе ли дело — всё погребено в сугробах: снегом укрыто, метелью заглажено. Ни памяти, ни следа.

Но пришла оттепель, и всё вышло наружу. Всё, что копилось, всё, что скрывалось, выступило напоказ. Оттаяли хвоинки, прутики, листики, кусочки коры. Везде под кузницами дятлов грудками лежат шишки.

Вот перья вороны, которую в конце зимы разорвал ястреб. Вот подснежные спаленки-лунки рябчиков и тетеревов. В них они спали в самую глухую зимнюю пору. Тут снеговые тоннели крота: ишь ты, он и в снегу искал червяков!

Шишки, сброшенные клестами и оглоданные белками. Подстриженные зайцами ивы.

А вот землеройка, задушенная и брошенная лаской. Вот хвостик белки-летяги — остатки обеда куницы.

Будто листаешь прочитанную книгу и рассматриваешь картинки. Ветер и солнце долистают белую книгу. Скоро покажется и обложка — земля. Тогда все зимние происшествия встретятся, соединятся и растворятся в тысячах и тысячах других, скопившихся на земле за долгие-долгие годы.

Вся земля под ногами — это бывшие происшествия.

ПЕВИЦА

Тем хорош лес, что сколько в него ни ходи, сколько ни смотри и ни слушай, а всё увидишь невиданное и услышишь неслыханное. А увидишь и услышишь — и опять пойдёшь.

Стоял я на тяге. Уж солнце утонуло в лесу, а вальдшнеп всё медлил. И такая была прозрачная тишина, что упадёт хвоинка — и слышно, капля сока с берёзы капнет — слышно. Слышно даже, как муравьи бегут — так и топчут.

В луже лопались пузыри, таинственно и тихо. «...Уук! Уук!..» — это запевала жаба. И вдруг шумная возня, шорох листьев и писк. Я прислушался. И услышал новую песню!

Будто птичка пела в кустах. Стрекотала и щебетала. Повторяла своё «ци-ци-ци» на разные лады и манеры.

Я слушал и вспоминал. Зорянка не так поёт, дрозды не так свистят. Всех птиц знаю, а такой никогда не слыхал.

Я нагнулся, чтоб разглядеть, но под ольхами загустела тьма, даже видно стало свечение гнилушек. Тогда я включил фонарь. Гнилушки потухли, а там, где они голубели, выдвинулся пенёк. А на том пенёке сидела лесная мышь:

усы топорщились, глаза блестели. Погасил фонарь — за-
светились гнилушки, слышалась песнь!

Поющая мышь — дело неслыханное.

Что ж, буду знать.

И если кто меня спросит, скажу:

— Слышишь? Это поёт мышь!

ЛЕБЕДИ

Лебеди раздражённо кивали: они сердились, что на
них смотрел человек.

Это были лебеди-кликуны, белые, как морская пена,
с тонкими строгими шеями и литыми из золота клювами.

Тут и там в небе белые косяки: напряжённо вытяну-
тые шеи, мерные взмахи крыльев.

С неба, с воды, со льдин звучат неумолчные лебединые
голоса. В них тонет всё: звон торопливых утиных крыльев,
ленивый гогот гусей, заунывные посвисты кроншнепов
и радостные взвизги чибисов.

Несколько лебедей сплылись клюв в клюв, потом ра-
зом вытянули шеи вверх, раскрыли клювы и затрубили.
Хлещут белые крылья, взбивая кипучую пену, всплески-
вая каскады воды. Огромная кувшинка-лилия на воде из
белых тел — лепестков и тонких шей — тычинок! Это зна-
менитый танец лебедей и лебединая песня.

Так лебеди встречают весну.

Каждую весну останавливаются на болоте для отдыха
стаи уток и лебедей. Так было испокон веков, так есть
и сейчас. И как бы хотелось, чтобы это осталось и в буду-
щем. Ведь нет больше на земле городов, где бы дикие ле-
беди встречались на конечной остановке трамвая. Да и на
всей-то земле осталось лебедей не так-то уж много.

Да и не в том только дело. Что сможет заменить зелёное болотце с белыми лебедями? Не павильон же сме-ха с кривым зеркалом или площадка для бега в мешках, которые тут хотят выстроить?

На берегу — на краю земли! — можно сидеть часами. Волны воды и ветра. То потянет теплом и водорослевой прелью, то пахнёт пронзительной свежестью синей воды. Блёклый, захламлённый берег, унылая быль у ног и рядом — перед глазами! — синяя сказка с белыми льдинами и белыми птицами.

Медленные вереницы сказочных птиц с изогнутыми шеями плывут вдоль лазоревой кромки льда. Медленные косяки тянут вдоль сизого бока белого облака. С воды и с неба далёкими колоколами плывут лебединые клики. Клики кликунов-лебедей.

Лебеди лежат и стоят на льдинах. Или бегут по воде, натужно устремив вперёд шею и звучно шлёпая широкими чёрными лапами.

Взлетев, плывут над водой, плавно загребая под себя струи ветра. И крылья их поскрипывают, как на шарнирах. А то с лёту плюхаются на волны, воздев крылья, как руки, и буруня воду крутой белой грудью.

Потягиваются, охорашиваются, перебирают перья. Смотрят на своё отражение.

Почему на этих птиц можно смотреть часами? Не задерживается же глаз на вздорных, крикливых утках, суетливо снующих тут же?

Есть в этих величавых и медлительных птицах что-то такое, что заставляет всех — от мала до велика! — поднимать лицо в небо: «Смотрите, летят лебеди!» И долго-долго провожать их глазами.

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Прилетел на скворечник скворец. На ноге колечко — знакомый! Шестой год он живёт у меня в скворечнике.

Каждую весну он прилетает на скворечник, осматривает его со всех сторон, забирается внутрь, долго там шуршит и ворочается. Потом садится на крышу и негромко поёт. Негромко, но с наслаждением: трещит, пощёлкивает и высвистывает от удовольствия, как разыгравшийся поросёнок. Клюв золотой в небо, глаза закатывает, крылышками разводит. А сам то петухом, то ягнёнком, то кошкой мяукнет, то собачонкой протявкает. Соскучился на чужбине по дому...

Потом со скворчихой чистят скворечник, птенцов выводят. Вместе растят, вместе на выгоны улетят с ними.

Осенью, перед отлётом, скворец прилетал на скворечник один. Есть у скворцов такое правило: прилетать перед отлётом к гнезду. Посидеть в тишине, пёрышки на солнце почистить, помурлыкать под нос. А потом — на юг. В страны дальние, земли чужие, за синий горизонт.

Но чуть весна — мой скворец тут как тут! На скворечнике сидит, песни поёт, крылышками разводит. И колечко на лапке блестит.

И так вот уже шесть лет...

Шесть раз я говорил ему весной «здравствуй» и пять раз осенью сказал «до свиданья».

И стал замечать, что скворец мой постарел.

В первую весну, помню, он весь от песен дрожал! Перья на горлышке дыбом. Весь блестит, будто маслом намазанный.

В шестую весну смотрю — и глазам не верю. Сидит в летке, чуть только нос высунул. Поёт нехотя: свистнет

и помолчит, свистнет и помолчит, будто сам себя слушает. Других птиц не передразнивает, голоса их позабыл, что ли.

Свистел, свистел, пригрелся на солнышке — и задремал. И это в разгар пения! Голову свесил, носом «клюёт» и глаза закрыл. Никогда такого с ним не бывало.

В шестую осень только раз к пустому скворечнику прилетел. Посидел, помолчал, колечко на лапке потрогал.

— До свиданья! — сказал я ему. В шестой раз сказал «до свиданья».

Пришла весна. Опять прилетел скворец на скворечник, но не тот, не мой, без кольца. Может, сосед его, может, сын. Молодой, горластый и непоседливый. И блестит, будто маслом намазанный!

А старик не вернулся. Где-то ветер перья его разнёс? Прощай, старый скворец, — в последний раз. Здравствуй, молодой, — в первый!

ПЛЯСУНЫ

Комары-толкуны — плясуны известные. Пляшут они где придётся, было бы только тепло. Тепло их бодрит, веселит, прямо на воздух поднимает.

Где тихо, солнечно, где нагрето — там и площадка для танцев. В тёплых струях легче плясать.

Пока на земле ещё снег лежит, пляшут они меж тёплых сосновых ветвей. Потом толкутся над первой проталиной. Над оттаявшим муравейником, над прогретой поленницей дров, над копной соломы. Над отогревшимся склоном, над подсохшей тропинкой, над вскопанной грядкой. Вверх-вниз, вверх-вниз живой столбик золотистых пылинок. Каждую победу весны они отмечают танцем.

Весна идёт — и ширятся танцы. Любят комарики поплясать!

Бывает, над головой зароятся. Гонишь-гонишь, а им нипочём. Пляши, раз тепло и солнце. А что там внизу чья-то голова или поленница дров — какое им дело? До этого им дела нет.

ДЯТЛОВО КОЛЕЧКО

Дятел — мастер на разные штуки.

Может дупло выдолбить. Ровное, круглое, как пяточок.

Может станок для шишек смастерить. Втиснет шишку в него и выколачивает семена.

Есть у дятла и барабан — звонкий упругий сучок.

Надолбится, набарабанится — захочет пить.

На этот случай есть у дятла питьевое колечко. Его он тоже делает сам.

На землю дятел спускаться не любит: коротконогий он — неловко ему на земле. Не летает он и на водопой — на речку или к ручью. Пьёт как придётся. Зимой схватит снежку, летом слизнёт росинку, осенью — капельку дождя. Дятлу немного надо. И только весной — дело особое. Весной дятел любит пить берёзовый сок. Для этого и делает дятел питьевое колечко.

Колечко, наверное, видели все. Даже на берёзовых поленьях. Дырочка к дырочке на берёзовой коре — колечком вокруг ствола. Но мало кто знает, как дятел делает это кольцо. И почему оно сделано не как-нибудь, а всегда кольцом... Я стал следить и понял, что дятел... и не думает делать кольца!

Он просто дырочку в берёзе пробьёт и слизнёт капельку сока.

Немного погода опять прилетит: ведь на дырочке набухает сок. Сядет так, чтобы удобно было слизнуть, слизнёт набухшую каплю — вкусно. Да жалко, сок из старой проклювинки тихо течёт. Дятел чуть голову вбок отведёт и пробивает новую дырку.

Ещё прилетит — садится уже под новую дырочку, старая-то заплывла. Выпьет из новой сок — рядом свежую дырочку продолбит. И опять ни выше, ни ниже, а сбоку, где, не трогаясь с места, удобно клювом достать.

Дел весной много: дупло, барабан, станок. Охота и покричать: прямо в горле всё пересохло! Потому то и дело летит на берёзу — горлышко промочить. Сядет, лизнёт, добавит к ряду проклювинку. Так и получается на берёзе колечко. И ничто другое получиться не может.

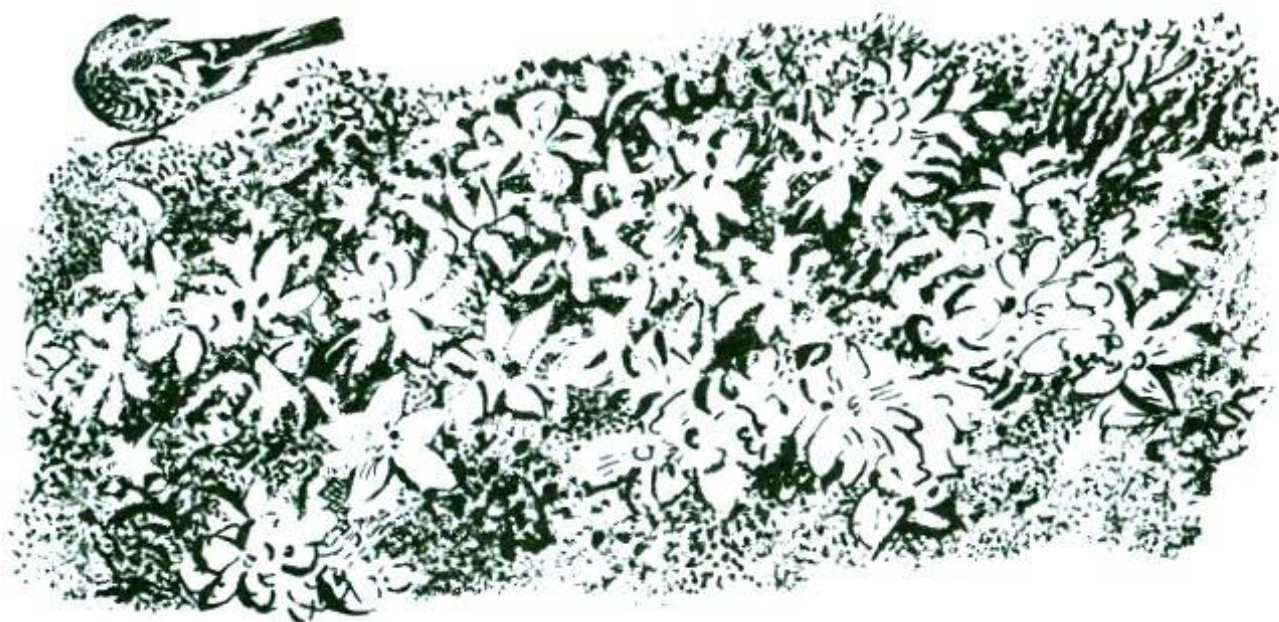
Жаркая идёт весна.

Кольцует дятел берёзы. Нижет колечко к колечку.

Мастер дятел на штуки.

Май

Грянул весёлый майский гром — всему живому языки развязал. Хлынули потоки звуков и затопили лес. Загремел в лесу май!

Зазвучало всё, что может звучать.

Бормочут хмурые молчаливые совы. Трусливые зайцы покрикивают бесстрашно и громко.

Полон лес криков, свистов, стуков и песен. Одни песенки прилетели в лес вместе с перелётными птицами из дальних стран. Другие родились здесь же, в лесу. Встретились песенки после долгой разлуки и от радости звенят от зари до зари.

А в нагретой парной чащобе, где сердито бубнит ручей, где золотые ивы загляделись в воду, где черёмуха перекинула с берега на берег белые трепетные мосты, пропищал первый комар. И белые бубенчики первых ландышей прозвучали чуть слышно...

Давно пронеслась гроза, но на берёзах с листика на листик, как со ступеньки на ступеньку, прыгают озорные дождевые капли. Повисают на кончике, дрожа от страха, и, сверкнув отчаянно, прыгают в лужу.

А в лужах лягушки ворочаются и блаженно ур-р-р-чат.

Даже перезимовавшие на земле скрюченные листья сухие ожили: то шмыгают и шуршат по земле, как мыши, то вспархивают, как табунки быстрых птиц.

Звуки со всех сторон: с полей и лесов, с неба, с воды, из-под земли.

Гремит по земле май!

ПТИЦЫ ВЕСНУ ПРИНЕСЛИ

Грачи прилетели — проталины принесли. Трясогузки-ледоломки лёд на реке раскололи. Зяблики появились — зелёная травка заворсилась.

Дальше — больше. Пеночки прилетели — цветы заpestрели. Кукушка вернулась — листья на берёзах проклюнулись. Соловьи показались — черёмуха зацвела.

Весна так и делается: каждый понемножку.

ГОРЯЧАЯ ПОРА

Настала пора гнездо выстилать. Теперь каждое пёрышко на счету, всякая шерстинка в цене. Из-за иной соломинки целая драка.

И вот видит воробей: скачет по земле большущий клоч ваты!

Ну, если бы он лежал — другое бы дело. Тогда не зевай, налетай и хватай. Но клоч не лежит, а скачет по земле, как живой!

Воробьи даже клювы разинули от удивления.

Вот клок ваты вспорхнул вверх и сел на дерево. Потом запрыгал с ветки на ветку. Потом поёрзал-поёрзал да как подскочит, да как полетит! И летит как-то смешно: ровно-ровно, словно по ниточке, как слепой. Да сослепу-то, со всего-то разгона бряк о телефонный столб! И вывалился тут из клока ваты... воробей.

Тут уж все поняли, что не сама вата по земле скакала, не сама по воздуху летала: воробей её тащил. Такой клок ухватил — больше себя ростом. Один хвост из ваты торчал.

Ухватить-то ухватил, да закрыла ему вата весь белый свет. Бросить жалко, а куда тащить — не видно. Вот и наткнулся на столб; нос расшиб и вату обронил. Другие воробьи сразу её утащили. Прямо из-под разбитого носа!

СИПЛАЯ КУКУШКА

Зацвела черёмуха, и грянули черёмуховые холода. Туман на рассвете не поднялся колечком с лесной поляны, а замёрз и лёг на поляну инеем. Небо блёклое, не поймёшь, каким оно днём станет: то ли синим, то ли серым?

Тихо в лесу. Одна кукушка кукует. Все другие птицы молчат: боятся, наверное, горлышки застудить. А кукушка орёт с придыханием, как в берестяную дудку. Кричит и кричит своё «ку-ку»!

И докричалась.

Вечером её слышал — совсем осипла. Вместо «ку-ку» кричит: «Хы-хо! Хы-хо!»

Видно-таки, застудила горло!

Кто не слышал таких осипших кукушек? Одни говорят, что это они от собственного крика сипнут. Ведь кри-

чат от зари до зари, а бывает, и ночью! Другие говорят: колоском, мол, подавилась. Но какие в мае колоски?

Ещё говорят, что в черёмуховые холода самые неугомонные от холода сипнут. По-разному говорят.

Про черёмуховые холода у нас тоже говорят по-разному. Кто объясняет похолодание тем, что черёмуха цветёт, кто — ладожский лёд идёт. А знатоки утверждают, что в это время льды в Арктике раскалываются и сдвигаются.

Как всё-таки здорово!

Где-то в далёкой Арктике льды зашевелились, а у нас кукушка осипла. Где аукнулось — и где откликнулось!

ВОРОБЬИШКИНА ВЕСНА

Песенка под окном

Весной в лесах и полях поют мастера песен: соловьи, жаворонки. Люди слушают их, затаив дыхание. Я много знаю птичьих песен. Услышу — и сразу скажу, кто поёт. А нынче вот не угадал.

Проснулся я рано-рано. Вдруг слышу: за окном, за занавеской, птичка какая-то завозилась в кустах. Потом голосок, но такой приятный, будто две хрусталинки ударились друг о друга. А потом просто по-воробьиному: «Чив! Чив!»

Диво!

Хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой. Да всё горячей, всё быстрее, всё звонче!

Перебирал я в памяти все птичьи песни — нет, не слышал такой никогда.

А птичка-невидимка не унимается: хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой!

Тут уж и под тёплым одеялом не улежишь! Вскочил я, отдернул занавеску и вижу: сидит на кусте обыкновенный воробей! Старый знакомый! Чив Щипаный Затылок. Он всю зиму летал ко мне на подоконник за крошками. Но сейчас Чив не один, а с подружкой. Подружка спокойно сидит и пёрышки чистит. А Чиву не сидится. Он чирикает во всё горло и как заводной скачет вокруг подружки с ветки на ветку — со ступеньки на ступеньку. Тонкие ветки бьются одна о другую и звенят хрусталинками. Потому звенят, что дождевая вода замёрзла на них тонкими сосульками.

«Чив!» — воробей. «Дзень!» — сосулька.

И так это выходит хорошо и здорово, ей-ей, не хуже, чем у заслуженных певцов — соловьёв и жаворонков.

Воробьиные ноги

Всю зиму воробей Чив прожил в старой печной трубе. Долго тянулись страшные зимние ночи: стрелял мороз, ветер тряс трубу и сыпал сверху ледяную крупку. Зябли ножки, иней вырастал на пёрышках.

Великий день

Каждый день выше солнце. Каждая ночь хоть на воробьиный скок, а короче.

И вот пришёл он — Великий день: солнце поднялось так высоко, что заглянуло к Чиву в чёрную трубу.

Сосулькина вода

На крышах сосульки. Днём с сосуллек капает вода. Это особая вода — сосулькина. Чив очень любит сосулькину

воду. Перегнётся с карниза и ловко подхватит клювом со-
силькину капельку, похожую на капельку солнца. Напив-
шись воды, Чив начинает так отчаянно прыгать и чири-
кать, что прохожие останавливаются, улыбаются и гово-
рят: «Ожил, курилка!»

Кап! кап!

Кусты набрякли водой. На каждой ветке гирлянды ка-
пель. Сядет воробей — сверкающий дождь! Нагнётся пить,
а капелька из-под самого носа — кап! Воробей к другой,
другая — кап!

Скок, скок воробей. Как, кап капельки.

Весенний звон

Схватил мороз. Каждая мокрая ветка оделась в ледя-
ной чехольчик. Сел воробей на наклонный сучок — да
и покатился вниз, как с горки. Синица тоже поскользну-
лась — повисла вниз головой. Ворона с лёту ухнула в са-
мую гущину сучьев — вот наделала звону!

Перекувырк

Каждый день новость. В воздухе появились насеко-
мые! Чив столбиком взлетел с крыши, схватил на лету жу-
чишку и, сделав в воздухе перекувырк, опустился на тру-
бу. Наелся Чив жуков и мух, и начали твориться с ним
странные вещи. Он вдруг схватил за загривок своего ста-
рого друга Чирика и стал трепать его, как собака кошку.
Чирик орал, дрыгал ножками, бил крылышками. Но Чив
трепал его и трепал, пока не выдрал у него клочок перьев.
А всю зиму они были друзьями. И воду пили с одной со-
сильки. И отмывались в соседних лужах. Только вода после

Чирика стала не чёрная, а рыжая. Потому что всю зиму Чирик спал в щели кирпичной трубы.

А теперь всё пошло кувырком.

Ступеньки

Обвисшие ветви ивы похожи на зелёные волосы. На каждой волосинке узелки, узелки.

Это почки.

Дождевые капли скатываются по ветвям, весело прыгают с почки на почку. Так на одной ножке прыгают вниз по ступенькам ребята.

Ива сверкает и улыбается.

Зелёные бабочки

На тополях понатужились и лопнули почки. Из каждой почки, как бабочка из куколки, вылупился зелёный листик.

Воробьи расселись по ветвям и стали склёвывать клейких зелёных бабочек. Угощаются; один глазок вверх — нет ли ястреба, другой вниз — не лезет ли кошка?

Драгуны

От сосулькиной воды и солнца, от жуков и мух, от свежих листиков воробьи ошалели. Драки тут и там! Схватятся на крыше двое — к ним мчит дюжина. Вцепятся друг в друга, трепыхаются, кричат и пернатой гирляндой валятся с крыши на головы прохожих.

Дерево песен

Вечером все воробьи — битые и небитые — слетаются на особое дерево — дерево песен. Дружным хором

проводят они день. Так, песней, проводят они каждый день весны.

Прохожие с удовольствием слушают воробьиный хор, улыбаются.

Переполюх

Чив и его подружка Чука сложили гнездо в щели под карнизом. Выстлали его перьями, волосом, ватой, сеном и тряпочками. А Чука принесла фантик и два трамвайных билета: розовый и голубой. Получилось очень уютно. Чив вспоминал свою дымовую трубу и жалел, что раньше не догадался познакомиться с Чукой.

И вдруг — скрип, скрип, скрип! В люльке к карнизу поднимался штукатур. Поднялся и лопаточкой своей стал заделывать под карнизом щели.

Что тут началось! Все воробьи к нему скачут! Скачут по самому краю крыши, на все голоса ругают штукатура. Но штукатур не понимает воробьиного языка: замазывает щели да от воробьев лопаточкой отмахивается. А гнездо Чива и Чуки выбросил. Полетели по ветру перья, вата, волосы, сено и тряпочки. А фантик и билетки упали вниз.

Домик-люлька

Чив и Чука заняли скворечник. Ветер покачивал шест, и вместе с шестом покачивал их новый домик. Чива укачивало, и он клевал носом. Чука не дремала: она опять наносила в гнездо перья, вату и сухие травинки. И опять принесла фантик и трамвайные билетки.

Выселение

Вернулись с юга хозяева скворечника — серьёзные чёрные скворцы. Молча, деловито работая, они выбро-

сили из скворечника сначала Чива и Чуку и наконец всё их гнездо. Опять полетели по ветру перья, вата, травинки, фантик и трамвайные билеты.

Лепестковая метель

Засвистывает метель. По улицам течёт белая позёмка яблоневых лепестков. А в тупичках вихри. Белые вихри из яблоневых лепестков.

Некогда!

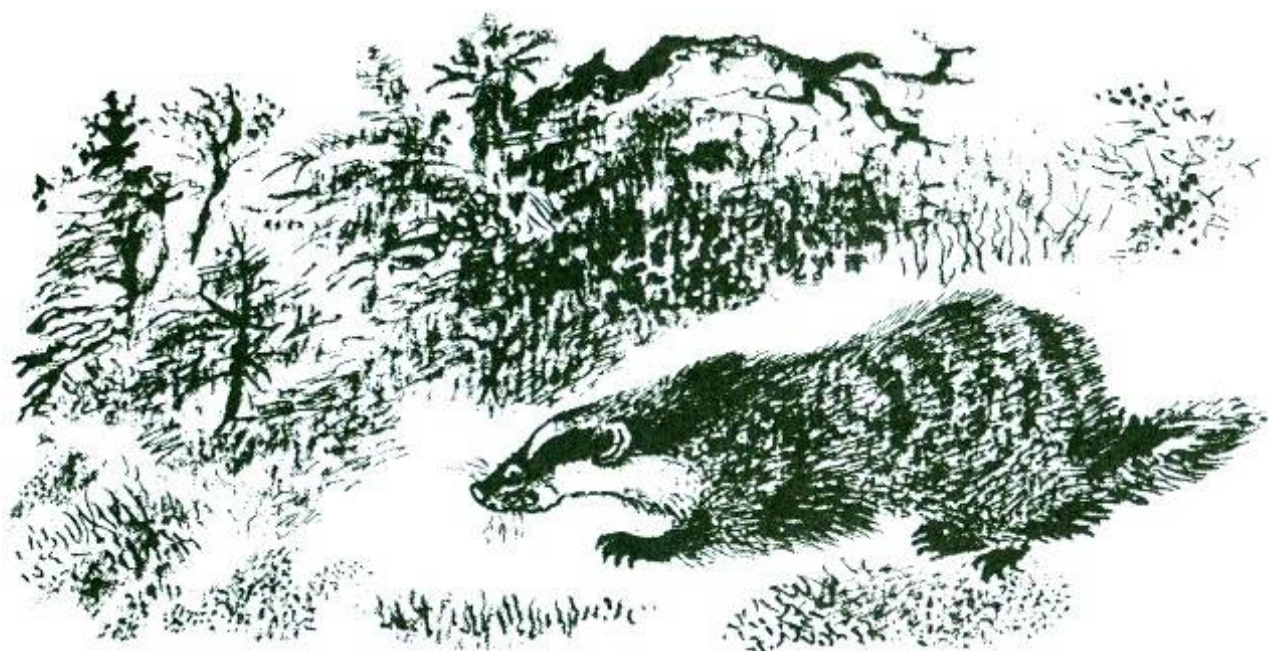
Везде из-под застрех настырные голоса желторотых воробьят. Старые воробьи — туда-сюда, вперёд-назад! Залетают в гнёзда, шарахаются назад.

Слышал Чива. Он сидел у старого гнезда — на заброшенной старой трубе. Сидел и чирикал не своим голосом. Потому что в клюве у него торчала гусеница, как папироса. И чирикал он не раскрывая рта, «сквозь зубы». Некогда!

Кончилась воробьиная весна.хлопот полон рот!

Июнь

Пришёл июнь и оставил от ночи один тёмный час.
Недовольно забубнили совы: «Для чего нам день?»
Зато дневным птицам радость: ночь-то короче воробьиного носа!

Вот она, пора белых ночей!

Птичка-зорянка поёт на еловой пике: одним глазком зарю вечернюю провожает, другим утреннюю встречает.

Всё тайное стало явным. Всё невидимое — видимым.

Видно, как спят, смежив лепестки, цветы дневные.
Как просыпаются в тёмной чаще ночные цветы, как испуганно приоткрывают они лепестки-ресницы и зачарованно поворачивают головки за плывущей луной.

Видно, как слетаются ночные бабочки-бражники к нашей северной орхидее — ночной красавице любке. Ведь только ночью открываются её цветы и пахнут только ночью.

Ночной ёжик семенит по тропинке. Ночная летучая мышь порхает над головой.

Ночная кукушка годы считает. Козодой, прищурив сумеречные глаза, урчит заунывно и долго.

Туман повис над рекой; сонно чмокают мокрыми губами ленивые рыбы. Тростинки вглядываются в черноту — но не дрогнет даже их отражение.

Всё призрачно и невесомо: видно и не видно, слышно и не слышно. И деревья стоят по пояс в тумане, дыхание затая.

На землю оседает белый пух тополей: как иней, как ночная пороша. И даже падающая хвоинка тревожит чуткую тишину.

А звёзды тускнеют, не успев разогреться. А заря разгорается, не успев потускнеть.

И снова зорьки славят зарю.

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

Лес густой, зелёный и полон шорохов, писков, песен.

Но вот вошёл в него охотник — и мигом всё спряталось и насторожилось. Как волна от брошенного в воду камня, покатилась от дерева к дереву тревога. Все за кусток, за сучок — и молчок.

Теперь хочешь увидеть — сам стань невидим; хочешь услышать — стань неслышим; хочешь понять — замри.

Я это знаю. Знаю, что из всех лесных тайничков следят за мной быстрые глаза, влажные носы ловят бегущие от меня струйки ветра. Много кругом зверьков и птиц. А попробуй найди!

Я пришёл сюда повидать сплюшку — крохотную, со скворца, сову.

Целые ночи она, как заведённая, кричит своё: «Сплю! Сплю! Сплю!» — будто лесные часы тикают: «Тик! Тик! Тик! Тик!..»

К рассвету станут лесные часы: сплюшка смолкнет и прячется. Да так ловко прячется, будто её никогда в лесу и не было.

Голос-то сплюшки — ночные часы — кто не слышал, а вот какая она на вид? Я знал её только по картинке. И так мне захотелось увидеть её живьём, что я целый день пробродил по лесу, каждое дерево, каждую ветку осматривал, в каждый куст заглядывал. Устал. Проголодался. Но так и не нашёл её.

Сел на старый пенё. Молчу, сижу.

И вот, глядь, откуда ни возьмись — змейка! Серая. Плоская головка на тонкой шее — как почка на стебельке. Выползла откуда-то и глядит мне в глаза, будто чего ждёт от меня.

Змейка — она пролаза, должна всё знать.

Я ей и говорю, как в сказке:

— Змейка, змейка, поведай мне, где спряталась сплюшка — лесные часы?

Змейка подразнила меня язычком да юрк в траву!

...И вдруг, как в сказке, открылись передо мной лесные тайнички.

Длинно-длинно прошуршала в траве змейка, показала ещё раз у другого пня — и вильнула под его обошелые корни. Нырнула, а из-под них вывернулась большая зелёная ящерица с синей головой. Точно кто-то вытолкнул её оттуда. Прошуршала по сухому листу — и шмыг в чью-то норку.

В норке другой тайничок. Хозяйкой там тупомор-
денькая мышка-полёвка.

Испугалась она синеголовой ящерицы, выскочила из
отнорка — из темноты на свет, заметалась-заметалась —
и шасть под лежащую колодину!

Поднялся под колодиной писк, возня. Там тоже ока-
зался тайничок. И целый день спали в нём два зверь-
ка — сони-полчки. Два зверька, похожие на белочек.

Выскочили из-под колодины сони-полчки, ошалели
от страха. Хвосты ершом. Взвинтились по стволу. Поцо-
кали — да вдруг опять им страшно стало, ещё выше по
стволу винтом кинулись.

А выше в стволе — дупло.

Сони-полчки хотели в него — и сшиблись у входа
лбами. Пискнули от боли, кинулись опять обе сразу — да
так вместе в дупло и провалились.

А оттуда — фык! — маленький дупляной чёртик!
Ушки на макушке что рожки. Глаза круглые, жёлтые. Сел
на сучок, спиной ко мне, а голову так завернул, что смо-
трит на меня в упор.

Конечно, не чёртик это, а сплюшка — ночные часы!

Я моргнуть не успел, она — раз! — и в листву. И там
завозилось, запищало: тоже кто-то таится.

Так от дупла к дуплу, от норки к норке, от колоды к ко-
лоде, от куста к кусту, от щели к щели шарахается от страха
лесная мелюзга, открывая мне свои ухороночки-тайнички.

От дерева к дереву, от куста к кусту, как волна от кам-
ня, катится по лесу тревога. И все прячутся: скок-скок за
кусток, за сучок — и молчок.

Хочешь увидеть — стань невидим. Хочешь услы-
шать — стань неслышим. Хочешь узнать — затаись.

ПТЕНЦЫ-ХИТРЕЦЫ

Жил в лесу. Один-одинёшенек.

Скучно одному. «Хорошо бы, — думаю себе, — хоть щеночка завести. Весёлого, ласкового. Учил бы его умуразуму. Вот скуки бы и не было».

В лесу щенков нет. Собрался я в деревню. Дорога туда была неблизкая.

Вышел из лесу, пошёл полем. Шёл-шёл — устал. Присел отдохнуть.

Говорящие яйца

Хорошо летом в поле! Кругом рожь шелестит.

Вдруг слышу: будто плачет кто-то тихонько во ржи...

Раздвинул колосья, а там целое лукошко яиц!

Лукошка-то, правду сказать, никакого нет — прямо на земле яйца лежат, в ямке. И много их: двадцать штук я насчитал!

Лежат и — вот чудеса! — переговариваются.

На птичьем языке — писком.

«Пик!» — скажет одно яичко.

«Пик-пик-пик!» — отвечают другие.

Осторожненько взял я одно яйцо и приложил к уху.

«Пи-ик!» — испугалось яичко. Потом что-то ворохнулось в нём, тюкнуло изнутри в скорлупку — и притихло.

Ясно: в яйце готовый цыплёночек! Гнездо — я знал это — красивой полевой курочки, серой куропатки. Куропатка-мама куда-то пропала. Может быть, ушла надолго. А может быть, и совсем не вернётся: где-нибудь ястреб её подхватил или хорёк поймал. Птенчики и волнуются. Пишат. Чувствуют, что пропадут без мамы.

Положил я обратно яйца. Задумался: что сделать? Верно ведь: выключутся — непременно пропадут они. Сколько кругом врагов-то!

Надумал: никакого мне щенка не надо! Сбегаю домой, принесу корзиночку, сложу в неё яйца. Будет у меня целых двадцать цыпляток жёлтеньких, прехорошеньких. Кормить их буду, учить уму-разуму. Какая уж тут скука с ними!

«Пик!» — тревожно пискнуло в одном яйце.

«Пик-пик-пик-пик!» — тревожно отозвалось в других. Боятся, бедненькие, одни, без мамы! Надо спешить.

— Не плайте! — крикнул я им. — Живо прибегу, заберу вас к себе домой.

И побежал к себе в лес — за корзиночкой.

Яйцо на ножках

Прибегаю назад — нет в ямке яиц, одни пустые скорлупки лежат!

А из ржи с треском и шумом вырвалась вдруг красивая курочка с шоколадной подковой на груди. Взлетела, пала на дорогу — и побежала по ней, волоча по земле крылья.

— Знаю вас, знаю! — крикнул я ей. — Не обманешь!

Это была, конечно, куропатка-мама; они всегда так притворяются, чтобы отвести человека подальше от своих птенчиков.

— Очень рад, что тебя никто не съел. А одного сынка я всё-таки возьму у тебя, чтобы мне в лесу не так скучно было одному.

Я посмотрел себе под ноги. Там во ржи лежало одно только целое яичко.

Я нагнулся, чтобы взять его. Но яичко вдруг вскочило на ножки и побежало!.. Я даже руку отдернул от неожиданности. Потом кинулся его ловить, схватил... но в руке у меня осталась только сломанная скорлупка.

Просто это половина скорлупки прилипла к влажному пуху птенчика. Куропатка-мама ещё не успела склюнуть её с сынка, он так и бегал со скорлупкой на спине. Я освободил его от скорлупки, он шмыгнул от меня в густую рожь, только я его и видел!

Под шапкой-невидимкой

— Ну, этим птенчикам я не нужен! — решил я. — Боевые ребята. Пойду-ка к себе в лес: там, наверно, найдутся какие-нибудь бесприютные птенчики, которые могут пропасть без моей помощи. Пойду поищу.

Пошёл в лес.

В сухом ельничке с муравьиной кучи свечой взлетел рябчик. Во все стороны с кучи — как шарики — покатались крошечные рябчата. Они были в пуху и летать ещё не могли.

У меня глаза разбежались: кого ловить?! Кинулся за одним, кинулся за другим, в третьего шапкой бросил — и всех упустил!

Рябчата затаились — будто шапки-невидимки надели.

«Ладно, — думаю, — ваше счастье, что вы так хорошо умеете прятаться!» И пошёл поднимать свою шапку.

Глядь, а под ней два рябчонка лежат рядышком!

К земле прижались, глазёнки зажмурили, будто они и в самом деле под шапкой-невидимкой.

Я их — цоп!

Держу в руке и думаю: «А остальных как найду?.. Давай-ка я этих двух к тем подпущу: они побегут прятаться к своим — и покажут мне, где они».

Выпустил одного. Он ножками — чик-чик-чик! — отбежал, к земле припал и листком сухим накрылся, будто его тут и не бывало! Рукой случайно не тронешь — ни за что не найдёшь. А других рябчат рядом не видно.

Выпустил я второго. Думаю: «Может, этот покажет?»

А он даже и не побежал. Тут же припал к земле и пропал: не то комок земли лежит, не то кусок коры.

Я понял: значит, и остальные так — кто комочком, а кто под листочком. Такой пушок у них — защитного цвета.

Выходит, не шапка у них, а вся одежда *невидимка*!

Что тут делать? Комочков земли да листочков сухих вокруг меня не счесть сколько. Всех их руками не пересчитаешь! Тронешься с места — того и гляди, всех рябчат сапогами передавишь... Как тут быть?

Присел я на пенёк. Разулся. Потом осторожно опустился на колени, ладонью впереди себя пощупал, каждый листик перевернул пальцами.

Немножко вперёд продвинулся — опять пощупал.

Да так из ельничка и ушёл — на четвереньках.

Водолаз-подводник

Дополз до поляны на четвереньках — там стал на ноги.

«Ну, — думаю, — ни полевым, ни лесным птенчикам я не нужен. Эти отлично и без меня проживут. Пойду у озера гнёзд поищу, — вон под горой меж деревьев вода виднеется».

Спустился с горки, пошёл по берегу, смотрю — в воде на кочке чомгино гнездо. В гнезде — пустые скорлупки и один птенчик.

Птенчик такой махонький, что не может ни стоять, ни сидеть. Лежит на пузечке, вытянув вперёд шейку, и беспомощно растопырил лапки.

Я опрокинул его пальцем на спину. Малыш засучил ножками, силясь перевернуться. Наконец это ему удалось, но он скатился на край гнезда... и бульк в воду! Как камешек. И пропал — только круги пошли...

Я живо раздвинул траву и, прикрыв глаза рукой от яркого блеска воды, глянул в глубину.

Птенчик держался там под водой носом за камышину и не двигался.

Я сунул руку на дно, чтобы подхватить и спасти его. Но он оттолкнулся носом от камышины — и быстро поплыл под водой, работая лапками и культипочками-крыльями. Точно сон вижу: птичонок как ни в чём не бывало плыл под водой!

Проплыл порядочное расстояние до того места, где стеной стоял камыш, и выскочил из воды. Смотрю — а там всё его семейство: чомга-мама и птенчики, мал мала меньше!

«Вот это, — думаю себе, — малыши так малыши! Водолазы-подводники. Птичонок ещё ходить не умеет, стоять не умеет, а плавать и нырять пожалуйста!»

Семейство чомг под предводительством чомга-мамы скрылось у меня из глаз в густых тростниках. А я пошёл дальше по берегу озера.

Послушный малыш

Смотрю: впереди меня бежит жёлтенький куличок — зуйк-галстучник. За ним торопятся четыре зуйчонка величиной с напёрсток, на высоких ножках.

Путь зуйкам пересекла узкая лужица. Зуйчиха на крылья — и перелетела воду. А у зуйчат ещё и крыльев нет — один пух! А всё равно и они не остановились: мах-мах ножками по воде, как по песку! Такие лёгкие, что и вода их держит. Я даже вскрикнул от удивления.

Зуйчиха-мама оглянулась на меня с того берега лужи и негромко сказала своим зуйчатам: «Пи-у!» (ложись).

Трое зуйчат были уже на том берегу лужи. Услыхав материнскую команду, они разом припали к земле и пропали из глаз: их серо-жёлтые спинки слились с жёлтым песком и серой галькой.

А четвёртый зуйчонок не успел перебежать лужу — и плюхнулся прямо в воду. Только головка его была на песке, а всё тельце — в воде; он лёг там, где его застала команда «пи-у!».

Я перешагнул лужу, сел на камень рядом с послушным птенчиком.

«Дай, — думаю себе, — дождусь, что он дальше будет делать».

Птенчик лежал не шевелясь. Было ему плохо: вода холодная, пушок намок, пальчики упирались в камешки на дне лужи, но он не шелохнулся. Даже чёрные бусинки-глазки не моргали. Мама велела лечь, и он послушно лежал.

Я сидел долго, так долго, что у меня нога затекла. Я шаркнул ею около самого носа зуйчонка, но он не шевельнулся.

Комары одолели. Один комар сел зуйчонку на голову, проткнул ему носом кожу и стал толстеть, наливаясь кровью. На крошечной головке птенчика он казался чудовищем и всё рос, рос на глазах, наполнял брюхо алой кровью зуйчонка.

Зуйчонок терпел, чуть прижмутив от боли глаза, а не трогался с места.

А моё терпение лопнуло. Я наклонился и щелчком сшиб комара с бедного птенчика. Потом взял птенчика двумя пальцами поперёк тельца и поднял к своим губам.

— Полно тебе в прятки играть! — сказал я ему. — Беги, догоняй маму.

Но он не ворохнулся, не моргнул. И остался всё так же неподвижен, когда я положил его на песок — подальше от воды.

«Уж не умер ли он?» — с тревогой подумал я. И вскочил с камня.

Это моё движение испугало зуйчиху-маму, скрывавшуюся где-то в камнях дальше по берегу.

«Кру-кру!» (выскакивай, беги) — крикнула она оттуда.

В один миг вскочили на ножки все четыре зуйчонка и — чик-чик-чик! — стремглав понеслись к маме.

Чур-гура!

— Ну-ну! — сказал я себе. — Если б я так свою маму слушал в детстве, так, верно бы, из меня вышел толк. Куда уж мне учить таких...

И пошёл домой через большое лесное болото.

Шагаю да шагаю. Вдруг вижу: далеко впереди поднялся с кочки большой журавль и, как-то смешно пригнувшись, убежал в кусты.

Я сразу сообразил, что это не журавль, а журавлиха и что на той кочке у неё гнездо.

Подошёл к кочке — верно: в кочке — углубление и в нём на подстилочке из травы лежат два здоровых пятнистых яйца, каждое с мою ладонь.

Одно целое, а другое с дыркой наверху. И рядом лежала толстая скорлупка: птенец, видно, сию минуту только сделал себе в яйце окошко.

Я так и замер на месте: что дальше будет?

Вдруг из окошка высунулась взъерошенная голова на тонкой шее и покрутила носом.

Мир, в котором журавлёнок собирался родиться, был полон солнца и яркой зелени.

— Привет тебе, привет! — громко поздравил я его. — Ну, как тебе здесь у нас, нравится?

Журавлёнок беспокойно заёрзал, но, видно, не понял, что я стою рядом и разговариваю с ним.

Тогда я наклонился к нему.

Моя тень накрыла гнездо.

И вдруг — нырк! — журавлёнок исчез в яйце. В гнезде по-прежнему лежали два очень крупных яйца: одно — целое, другое — с дыркой в скорлупе.

— Вот это здорово! — удивился я. — Не успел ещё на свет родиться, а уж в прятки играет! Чур-чура, я дома!

Вспомнились мне тут говорящие яички серой куропатки, и я подумал: «А может, они тогда не со страха пикали, а между собой сговаривались, как от меня ловчее удрать? И ведь удрали! Видно, птенчата, ещё не родясь из яйца на свет, мастера в прятки играть. А я их уму-разуму учить собрался!»

Размахнулся я корзиночкой, что была у меня приготовлена для будущих моих воспитанников-птенчиков, и закинул её далеко в траву.

А сам пошёл в деревню — щеночка себе доставать.

Щенок ни прятаться не умеет, ни плавать. И непослушный.

Вот и буду его учить.

ВЕСЁЛАЯ ИГРА

Притащила лиса лисятам мышей на обед. А лисята сыты — давай с мышами играть. Двое одну мышь схватили — тянут-потянут. А один сразу трёх мышей в пастишку — хап! Только хвостики висят.

Играли, пока не надоело. Тогда мышей бросили — в нору залезли. Легли у входа, мордочки на передние лапки положили — смотрят из тёмной норы на светлый мир. И видят: прилетели к норе мухи. Закружили, зажужжали. За мухами — птичка трясогузка. Тоненькая такая, серенькая. Хвостиком качает и ножками семенит. Пробежит и остановится, пробежит и остановится. А остановится — и закачает хвостиком. На мух смотрит.

Съёжились лисята. Трясогузка вправо, и лисьи глаза вправо, трясогузка влево — глаза влево. Так и перекатываются.

Лисята как выскочат! Чут-чуть птичку не поймали.

Опять в нору забились — караулят.

Опять слетелись мухи. За мухами — трясогузка. У самой норы хвостиком дразнит.

Лисята как выскочат — чуть не поймали!

Тут уж и не поймёшь: игра это или охота?

Вот в который раз выскочили — и опять зря. Сбились в кучу. А сверху, с синего неба, нависла тень, заслонила солнце.

Кинулись лисята разом в нору — еле протиснулись. Это орёл их припугнул.

Видно, ещё молодой орёл, не бывалый. Тоже, наверное, играл — у всех зверят да у птиц все игры в охоту. Только игрушки у всех разные. У одних мыши, у других лисята. Играй да поглядывай!

А удобная это игрушка — мышь. Хочешь — в охоту с ней играй, хочешь в прятки. А надоело — хап! — и съел.

ВОРОНИЙ ГЛАЗ

Боятся птицы человеческого глаза. Я сам проверял. Стоит посмотреть на птичье гнездо — и кончено: птица яйца и птенцов унесёт, а гнездо бросит. Я фотографировал птичьи гнёзда. Сегодня сниму — завтра гнездо пустое. До чего доходило: снимал птенцов в отсутствие стариков. И всё равно старики узнавали, что я на их птенцов глядел! К утру в гнезде ни птенцов, ни яиц.

Наметились три загадки. Как птицы узнают, что я их гнездо видел? Куда переносят своих птенцов? И, главное, почему боятся человеческого глаза? Что это за глаз такой роковой?

Но разгадка на три загадки получилась одна.

Человеческий глаз совсем ни при чём.

Виноватым оказался вороний глаз.

Пока я копошился в кустах, наводя аппарат на гнездо, за мной следила ворона. Слышала ворона тревожные крики птиц. И только я уходил, она летела в кусты.

Не напрасно ведь тревожилась птичка, когда в кустах копошился человек.

Вот помятая трава, вот пригнутые ветви, а вот и гнездо.

Пяток птенцов вороне на один глоток.

Так чаще всего и бывает. Найдут люди гнездо, поднимут шум, траву и ветки вокруг помнут и погнут. Птичек-родителей встревожат. А ворона в сторонке сидит и всё замечает.

Страшен для птичек вороний глаз.

А человеческий тем виноват, что ворону вовремя не замечает.

Июль

Бело солнце на сизом небе. Земля пышет жаром. Дали плывут и переливаются.

Струятся синие полосы лесов. Колышутся рощи, холмы и курганы. Дрожат кусты и нагретые камни. Столбы извиваются нехотя и лениво. Пыльные лопухи разлеглись у пыльных дорог.

Плывут далёкие станции и посёлки: как сказочные корабли с разноцветными парусами.

Клонит ветер рожь и пшеницу — гонит жёлтые волны. Гладит траву на затучневших лугах — будто мех драгоценного зверя. Раздувает бурные колоски и метёлки — открывает зелёную подпушь.

И бегут, завиваются по калёным дорогам вихри горячей пыли.

Кузнечики по обочинам чиркают спички. Кобылки взлетают, как красные искры. Разомлевшие вороны

разинули клювы. Ласточки на лету окунают в воду горячие грудки.

Ветви обвисли, отяжелели. Жаркие вырубки пахнут вареньем. Солнечные зайчики лениво переливаются с боку на бок.

Лениво плывут облака: огромные и таинственные, как снежные горы. Зной, расслабленность, тишина.

Макушка лета. Июль.

ТЕНЬ

Удивительная в лесу тишина: лес отдыхает. Солнечные зайчики сидят смирно. Подмигивает ленивая паутинка.

Хорошо идти по такому лесу от поляны к поляне: в каждой, как в зелёной чаше, свой тёплый настой. На одной медовый — отцветает лиловый вереск, на другой грибной, на третьей настоем на вялом листе. Идёшь и из каждой чаши отпиваешь глоток, пока голова не закружится!

На поляне с брусничным настоем стоял медвежонок. Он был один и делал то, что хотел. Делал он что-то очень странное. То вдруг взмахивал головой, а лапешками и носом тыкался в землю. То переваливался через тощий задок и скрёб когтишками землю. Он явно что-то ловил и никак не мог поймать.

Долго он перекатывался, хватал, кусал и сердился. А я всё смотрел и ничего не мог разобрать.

И вдруг понял: медвежонок ловил свою тень! Этот дурень не мог ещё сообразить, что тень — это тень и что

поймать её нельзя. Он видел: рядом шевелится тёмное. Бросался на тёмное и скалил зубы. Но тень — это тень.

Даже старый матёрый медведь не очень-то верит своим глазам. Вот и медвежонок: понюхает тень — не пахнет. Наклонит ухо к земле — не шуршит. Стукнет лапой — сдачи не даёт. Значит, её и нет!

Пошагал медвежонок прочь, а тень за ним. Вот это да!

Надо всё не спеша обдумать. Стал приседать медвежонок на задок. Вот приседает и — раз! — наткнулся на острый сучок! Подскочил, а оглянуться боится: тень перед носом скачет. Кто её знает, чего замышляет.

Поёрзал, поёрзал и опять стал приседать. Сел. На сучок. Как подскочит! Да и сучок ли это? Это мне видно, что вправду сучок, а медвежонок и оглянуться боится. Может, это чёрное, без вкуса, без запаха, так кусает?

Шерсть на мишкиной холке встала торчком. Даже клыки показал. Пятиться стал. Попятился и... опять напоролся на сук! Тут заорал медвежонок басом и, как заяц, упрыгал в кусты.

И вот тихо на полянке и нет никого, будто никогда и не было. Убежал медвежонок, ускакала тень. Остался один сучок. Да брусничным настоем пахнет.

ПРИЁМЫШИ

Я сидел на озере, задвинув лодку в тростник.

Был полдень — тихий и сонный. По зелёным тростникам лениво ползли золотые солнечные колечки. Как хорошо!

В тростнике зашуршало. Кто-то продирался сквозь тесные стебли.

Вот дрогнули тростники — высунулся плоский нос. Тотчас и по носу, как по тростнику, заколыхались солнечные колечки.

Утка!

У всех уток всегда деловой, ужасно занятой вид. Но эта маленькая утица — с носом в колечках, с ярко-зелёными зеркальцами на крыльях, — эта чируша была сама озабоченность. Она тихо крякнула и, упираясь перепончатыми лапами, продиралась вперёд, на чистую воду. За ней гуськом, по пробитой дорожке, торопились пуховые утята — хлопунцы лапчатые.

Последний — самый маленький — отстал. Заспешил, подскочил — и попал шейкой между двумя стеблями тростника, заклинился и повис в воздухе. Запищал отчаянно и лапками зашлёпал по воде.

Утица, хлеща жёсткими крыльями по воде, ринулась назад. Схватила утёнка носом за мягкую шейку, подняла и понесла на чистую воду. Глупыш и в материнском клюве пищал и дрыгал ногами.

Много, ох много трудов приняла утица, пока вывела своих утят из болота, где было её гнездо, на открытый плёс. Вот и последнего брыкуна вытащила и пустила на воду. Сама окунула головку, вскинулась столбиком, забила в воздухе крыльями — и закрикала что-то своё, утиное, радостное... Да вдруг так столбиком и ушла вниз, под воду, захлебнулась на утином полслове.

Утята захлопали по воде культипочками и бегом — лапками по воде помчались в тростники.

А там, где исчезла утица, звонко, как ладонью, хлопнул по воде рыбий хвостик — и побежали, побежали по воде круги до самого того места, где я сидел. Сер-

дито застучали тростники друг о друга, будто костяные палочки.

Вот так сомище!

Бедные юнцы-хлопунцы! Как без утицы будете? Кто сигнал тревоги подаст, кто под крылом согреет? Кто за шейку из беды вытащит?

Завозился я в лодке, шлёпнул веслом по воде — хоть напугать губастого обжору! И вдруг радостный утиный крик!

Утица чируша стоит на воде, крыльями бьёт и кричит, кричит! Только это другая утица, не та...

Она тоже вывела хлопунцов своих на широкую воду — вот и празднует, и кричит от радости. И хлопунцы другие: совсем ещё маленькие. Плоские носики на зобок уложили, щёчки пухленькие, в жёлтом пушке.

Утица — один глаз в небо — не летит ли хищный лунь? — другой вниз — нет ли под водой сома? Оглянулась по сторонам, помолчала немножко. Крякнула — и поплыла вдоль стены тростника.

И утята за ней гуськом, один за другим. И все вниз, в воду смотрят: первый раз себя в зеркале увидели. Увидели — и сами себе очень понравились.

«Где-то сейчас те сироты-утята?» — подумал я.

А они тут как тут! Выплывают из тростника, культяпочками по воде бьют — спешат вдогон за утицей.

Вот догнали, пристроились к её утятам в хвост — тоже гуськом, один за другим. Только росточком чуть побольше, а то бы и не отличить.

Утица задержалась, повернула назад. Каждого утёнка носом тронула, будто пересчитала. И то ли в счёте она слаба, или тут другое что, только не прогнала она

чужих утят. Сказала им что-то по-своему, по-утиному, и вся большая семья — свои и приёмыши — скрылась в тени нависшего над водой куста ольхи.

Тихая волна от утицы с утятами еле дошла до тростников, где я сидел. По зелёным тростникам снизу вверх — до самых серебряных метёлок наперегонки побежали улыбчивые золотые солнечные колечки. Ай да утица плоский нос!

Как хорошо!

ПОГАНЧИКИ

Ловил я на озере рыбу. Тростники тревожно стучали друг о друга, как костяные палочки.

Быть дождю!

Я стал собирать удочки.

Вдруг вижу: из густого чакана — озёрной травы — выплывают на чистую воду поганки. Поганка-папа, поганка-мама и крошечные — с жука — поганчики. Поганка, по-учёному — чомга, скрытная птица, не всегда её увидишь.

Я задержался.

Чомга-папа выплыл на середину плёса, насторожил глаз в небо — нет ли луны? — встал на караул. Чомга-мама забила крыльями, забарахталась в воде, будто курица в пыли. Да вдруг и ушла под воду.

Чомги похожи на маленьких уточек-чирков, только клюв у них не плоский, как у уток, а тонкий и острый; а уж нырять и плавать, как чомги, не сможет ни одна утка.

Нет поганки-мамы! Мохнатенькие поганчики, как чёрные жуки-вертячки, закружили по воде. Попробовали

они и нырять, но были такие лёгкие, что тотчас выскакивали из воды, как пробки.

Вынырнула мама. Поганчики успокоились и стали играть в пятнашки, шлёпая по воде крыльями-культяпками.

Но не зря тревожно стучал тростник. Прорвался ветер, погнал волну с гребешком. Начали лёгкие поганчики на гребешках переворачиваться. Перевернётся — и стучит в воздухе своими лягушечьими лапками. Плохая игра получается.

Поганка-мама насторожила тонкую шейку и что-то сказала, а что — за ветром не было слышно. Поганчики все к ней, окружили её со всех сторон да вдруг и полезли к ней на спину! Лапками чик-чик, культяпочками мах-мах и — ловкачи какие! — забрались. Да ещё и в перья забились, одни головки чёрные торчат. Сидит на воде многоголовая птица.

Тепло поганчикам в пере, сухо и не дует. А не сидится! Копошатся, выглядывают — видно, проголодались после купания.

Мама-чомга опять что-то сказала. Мне не слышно, а чомга-папа услышал. Ключнул он носом воду и ушёл на дно. Теперь чомга-мама встала на караул, насторожила глаз в небо.

Вынырнул папа, в клюве что-то держит. Видно, вкусненькое — поганчики вытянули навстречу шейки. Папа-чомгич сунул вкусненькое в разинутый роток крайнего поганчика, а сам опять на дно. И до тех пор нырял, пока всех не накормил.

Сытые чомгята с головой спрятались в перо на спине. Спина у чомги-мамы стала горбиком.

Я так загляделся, что совсем забыл, о чём стучали тростники. Вдруг вся вода вспыхнула — сверкнула молния. Ударили тяжёлые капли, запрыгали по воде фонтанчики.

Хлынул дождь. Поганки заспешили в тростники. Мама за папой, как два одинаковых пароходика. Только у заднего пароходика на спине горбок. Потому что не простой это пароходик, а пассажирский.

Чомги спрятались от дождя. А я промок.

Ну да и что за рыбак, коли сухой!

БЕЖАЛ ЁЖИК ПО ДОРОЖКЕ

Бежал ёжик по дорожке — только пяточки мелькали. Бежал и думал: «Ноги мои быстры, колючки мои остры — шутя в лесу проживу». Повстречался с Улиткой и говорит:

— Ну, Улитка, давай-ка наперегонки. Кто кого перегонит, тот того и съест.

Глупая Улитка говорит:

— Давай!

Пустились Улитка и Ёж. Улиткина скорость известно какая — семь шагов в неделю. А Ёжик ножками туп-туп, носиком хрюк-хрюк, догнал Улитку, хруп и съел.

Дальше побежал — только пяточки замелькали. Повстречал Лягушку-Квакушку и говорит:

— Вот что, пучеглазая, давай-ка наперегонки. Кто кого перегонит, тот того и съест.

Пустились Лягушка и Ёж. Прыг-прыг Лягушка, туп-туп-туп Ёжик. Лягушку догнал, за лапку схватил и съел.

Съел Лягушку — дальше пятками замелькал. Бежал-бежал, видит: Филин на пне сидит, с лапы на лапу переминается и клювищем щёлкает.

«Ничего, — думает Ёж, — у меня ноги быстрые, колючки острые. Я Улитку съел, Лягушку съел — сейчас и до Филина доберусь!»

Почесал храбрый Ёж сытенькое брюшко лапкой и говорит этак небрежно:

— Давай, Филин, наперегонки. А коли догоню — съем!

Филин глазищи прищурил и отвечает:

— Бу-бу-будь по-твоему!

Пустились Филин и Ёж.

Не успел Ёж и пяточкой мелькнуть, как налетел на него Филин, забил широкими крыльями, закричал дурным голосом.

— Крылья мои, — кричит, — быстрее твоих ног, когти мои длиннее твоих колючек! Я тебе не Лягушка с Улиткой — сейчас целиком проглочу да и колючки выплуну!

Испугался Ёж, но не растерялся: съёжился да под корни и закатился. До утра там и просидел.

Нет, не прожить, видно, в лесу шути. Шути, шути, да поглядывай!

МЕДОВЫЙ ДОЖДЬ

Нет над лесом туч, а дождь идёт. Шуршит по листьям, листья становятся блестящими. С листьев дождевики скатываются на траву.

Я посмотрел на небо в лесной просвет, и мне на лицо тоже упали тёплые капли. Капли я вытер ладонью и вдруг почувствовал на губах вкус мёда!

Я выставил под дождь ладонь и потом лизнул ладонь языком. Сладко!

Я сорвал мокрый лист и приложил к губам. Мёд!
Сыплет медовый дождь! На траве — роса медвяная!
А небо голубое — ни облачка.

А пчёл не видно.

Растерянно смотрю по сторонам.

Тут и там опускаются на мокрые листья полосатые, как тигры, шершни. Тут и там бегают по мокрым травинкам шустрые муравьи. Шершни и муравьи слизывают с листьев сладкие дождевики.

Я всматриваюсь, всматриваюсь и вдруг понимаю, что дождевики падают не с неба, а из-под каждого листа высокого клёна. Каждый кленовый лист как дождевая тучка!

Под каждым листом крохотные зелёные букашки. Букашки похожи на зелёные капельки. Но у каждой капельки ножки. И хоботок.

Хоботок живые капельки погрузили в лист и высасывают из него сладкий сок. Время от времени капает вниз дождевик сока.

Зелёные букашки — это тли. Целые стада тлей пасутся на исподе каждого листа. Целые стада листьев трепещут на дереве. Листья нависли над землёй, как зелёные тучи.

Из этих зелёных туч и сыплет медовый дождь! Раздолье в лесу сладкоежкам!

Июнь для них — медовый месяц.

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

Вылупившись из яйца — ни в мать, ни в отца! Как одуванчики пушистые, клювики с гулькиным носом, и ушки не на макушке, а под глазами! Пальцы на лапках длинные-

предлинные: всё время сами себе на ноги наступают и падают. Глядит вальдшнепиха на вальдшнепят — только крылышками разводит.

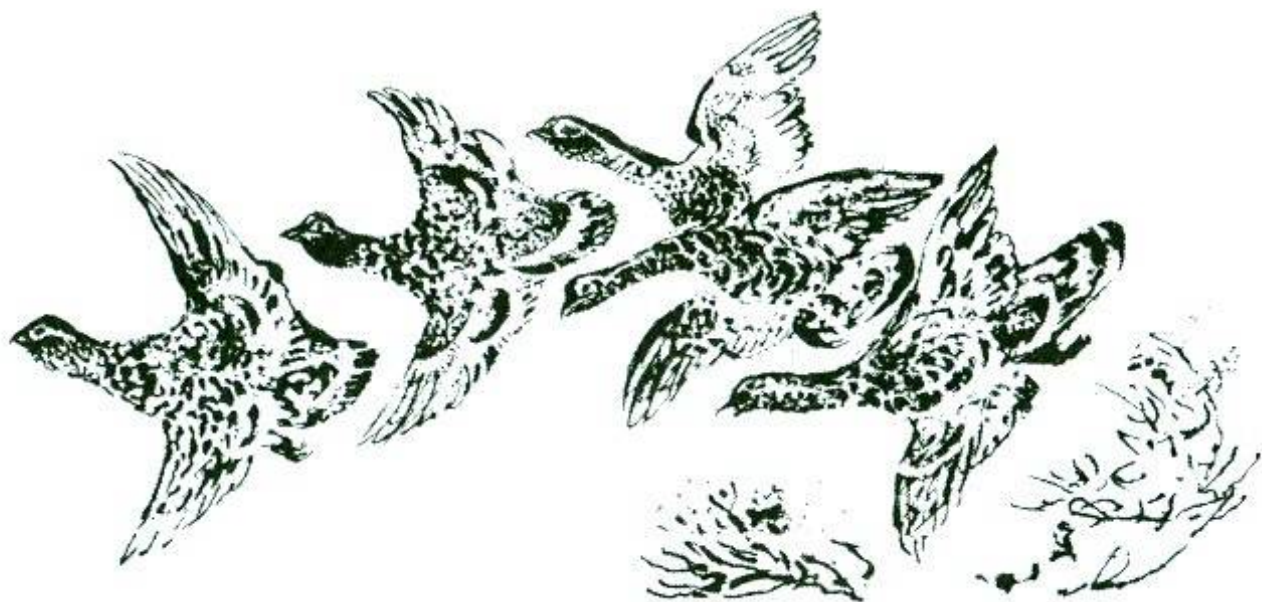
И вдруг грохот, топот, треск! Ломится по лесу самый, казалось бы, безобидный зверь — человек. Под носом не чует, у глаза не видит, над ухом не слышит. Того и гляди, сослепу-то и затопчет!

Стиснула вальдшнепиха лапками ближнего вальдшнепёнка, прижала к груди, взметнулась с ним в воздух и по воздуху унесла. За вторым вернулась, а никого уже нет. Кто в траву шмыгнул — как в воду канул, кто в листья сухие — как сквозь землю провалился. Хоть носами вальдшнепята и не вышли в родителей, зато цветом точь-в-точь: цвета листьев сухих, сухих коринков, травинок, хвоинок. Самый глазастый ястреб не разглядит. Да что ястреб, родная мать не найдёт, пока пересвистываться не начнут!

Пересвистнулись, сбежались, к матери под крылья спрятались и выглядывают. Вверху листья, как сороки, лопочут. В траве солнечные зайчики ушами прядут. Комар зудит — укусить хочет. Жабёнок лупоглазый под крылья к птице тянется — тоже погреться хочет.

Чутко дремлет вальдшнепиха, а вальдшнепята беззаботно попискивают. А кого им бояться? Ястреб глазастый не разглядит. Лису чутьистую мать заманит и отведёт. А если опять человек в сапожищах — мать кинется, схватит, к грудке прижмёт и унесёт по воздуху.

Август

Утро и белый туман. Туман весёлый, весь солнцем пронизан, сияет и светится — хоть глаза жмурь!

Над головой кляксы синие — просветы неба. Под ногами пятна седые — луговинки росистой травы. По сторонам неясные тени шепчутся и шевелятся. Весь мир утонул в тумане!

Но вот всё поплыло, заколыхалось — и просияло! Дали чёткие, краски яркие, звуки звонкие. А роса такая, что хоть умывайся. Росинки дрожат на кончиках листьев. Росинки стреляют красными стрелами. Росинки переполнили цветы-бокалы.

На листьях манжетки гранёные звёзды. Колоски и метёлки согнулись от ожерелий. Еловые лапы как хрустальные люстры.

Качнула синица еловую люстру — обрушились сверкающие подвески. Ударили они по осинке — осинка вспыхнула и затрепетала.

В гамачках паучиных ртутные бусы. Нити паутины — как нити жемчужин. А сети паучьи — созвездия в лесной вселенной.

Струится парок над тропинкой. Синие лучики проткнули чащу. От радости повизгивают дрозды.

Но главное чудо уже совершилось. Когда туман поднимался и таял, на миг в просветах повисла радуга. Не привычная семицветная, а невиданная снежно-белая. Белая на голубом.

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ!

Поставил грибник на пенёк корзину с грибами. Сам к ручью отдохнуть отошёл. Увидел кузовок Дрозд да как затрещит:

— Ах, батюшки, ох, матушки, что же такое делается? Ядовитые поганки в кузове сидят, а вкуснейшие съедобные грибы рядом валяются! Благороднейший гриб — Боровик! Вкуснейший гриб — Шампиньон! Что тут творится? Что это за грибник такой — незнайка и растяпа? Набрал одних поганок, да ещё и радуется небось? Надо нам его от беды спасти!

А тут ещё Мухомор из-под листка высунулся:

— Эх, была не была, назовусь груздем, да и полезу в кузов! Что я, хуже других поганок, что ли?

— Какой же ты груздь, — закричал Боровик, — когда ты Мухомор!

— Никакой ты не груздь, почему ты лжёшь? — вскрикнул гриб Шампиньон.

— Все лгут, и я лгу, — отвечает Мухомор. — Ты, Боровик, лучше посмотри, кто в кузове-то справа сидит? Вон

Ложный Опёнок. Вон Ложная Лисичка! Все ложные: лгун на лгуне! А слева ещё хуже! Вон Сатанинский ядовитый гриб. А вон, полюбуйся, ядовитая Бледная поганка торчит! А это горький, как горчица, Жёлчный гриб! Вот какая компания в кузове собралась! А я что — хуже их? Я тоже поганка. Пустите меня к своим!

Полез Мухомор в кузовок, а поганки его не пускают.

— Братцы поганки! — завопил Мухомор. — Вы что, своих не признаёте? Чего вы пихаетесь? Это ж я, Мухомор! Бледная поганка, замолви словечко за родственника. Мы же с тобой друзья до гроба!

— Ну уж нет! — отвечает Бледная поганка. — И не подумаю! Полюбуйтесь на этого дурня в красной шапке. Да ещё и в белую крапинку. Тебя же любой грибник с первого взгляда узнает, сразу поймёт, что ты за фрукт! А из-за тебя и нас ещё из кузова вышвырнет.

— Жёлчный гриб, дружище, — кричит Мухомор, — хоть ты мне протяни руку! Ты поганка, и я поганка. Друг друга нам выручать надо!

— Была бы охота! — ворчит Жёлчный гриб. — Ты же, дуралей, все наши поганкины обычаи нарушил, всю нашу ядовитую семью подвёл. Ну чего ты в красную шапку вырядился? Разве настоящая поганка станет сама в глаза всем кидаться да в ногах путаться? Уж коли ты поганка, так хоть прикинься порядочным грибом, под съедобного замаскируйся. Бери, глупыш, с нас пример! Правду я говорю, гриб Сатанинский?

— Ты, Жёлчный гриб, — отвечает гриб Сатанинский, — прав, как всегда! Ты, Мухомор, нас знаешь: мы до мозга костей поганки! А взгляни на нас — по виду разве заметно? То-то вот и оно! Мы в чужую одежду стараемся

нарядиться. Да не во всякую там одёжку, а с выбором. Кто среди всех грибов самый образцовый и положительный? Конечно же Белый гриб — Боровик. Он во все блюда мастер: в жарено, варено и в маринад. Хоть соли его, хоть суши — он только лучше становится. Вот я, Сатанинский гриб, и гриб Жёлчный в его одёжку и вырядились! Попробуй-ка нас различи с ходу! И пиджачок одинаковый, и шляпа похожа. Потому нас грибник и спутал. А тебя пусти — ты ведь нас с головой выдашь!

— Учись у меня, — хвалится ядовитая Бледная поганка. — Из всех поганок я самая ядовитая, прямо как змея! А по одёжке — распрекраснейший и нежнейший гриб Шампиньон! Меня вон грибник-незнайка и не распознал, а тебя, дурня, за версту узнает!

Полез Мухомор опять в кузов, а его опять выпихнули.

— Значит, так и не пустите? — рассердился он.

— Так и не пустим! Лучше и не проси! — отвечают поганки.

— До трёх считаю: раз, два... — пригрозил Мухомор.

— Три, четыре... — издеваются поганки.

— Ну, поганки, держитесь! — заорал Мухомор. — Пеняйте на себя теперь! Я вас сейчас всех на чистую воду выведу! Все ваши приметы и хитрости грибникам выдам. «Мы — как белые! Мы — как шампиньоны!» Хоть вы и похожи, да не одно и то же! — И выволок из кузова грибы Жёлчный и Сатанинский, схватил их за шляпки и поставил рядом с Боровиком. — Смотрите все и запоминайте! По виду эти поганки и в самом деле похожи на гриб Боровик. Но если Сатанинскому надломить шляпку — вот так! — то на изломе она станет лиловатой, а если то же сделать с грибом Жёлчным — вот так! — то его шляпка на

изломе станет розовой. Запомнили? А у тебя, благородный гриб Боровик?

— А у меня излом шляпки всегда белый! — ответил гордо гриб Боровик. И сам надломил себе шляпку. — Видели? Беленькая, чистенькая и не горькая!

А Мухомор не унимается:

— Теперь, Бледная поганка, твоя очередь! Становись рядышком с Шампиньоном. Сверху ты и впрямь на него похожа, а вот снизу — совсем другая! Какие у тебя пластинки под шляпкой? Белые, бледные. А у Шампиньона? А у Шампиньона они розоватые, а то буроватые. Вот и весь мой сказ! Кто там ещё в кузове прячется? Ага, ещё Ложный Опёнок с Ложной Лисичкой! Ну, эти обманщики не страшные, если их съедите — не отравитесь. Кыш по кустам!

Разогнал Мухомор всех поганок, посадил в кузовок гриб Боровик и гриб Шампиньон и говорит:

— Ну а меня-то вы уж ни с кем не спутаете! Как говорится — по Сеньке и шапка. И рад бы божьей коровкой прикинуться, да пятнышки выдают!

И снова под листок спрятался.

Вернулся грибник, взял свой кузовок и пошагал домой. Так ничего и не заметил. Вот растяпа!

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу, мухоловка — мух. Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

И слышу я голосок:

— Угадай, кто я? Я ем жуков и муравьёв!

Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!
— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!
— Ага! Ты птица осоед!
— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.
— Гусениц и личинок любят дрозды.
— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты, наверное, лесная мышь.
— И вовсе не мышь. Бывает, я сама ем даже мышей!
— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.
— То мышка, то кошка! И совсем ты не угадал.
— Покажись! — крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок.

— Покажусь. Только ты признай себя побеждённым.
— Рано! — ответил я.
— Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.
— Может, ты цапля?
— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

— Похоже, что ты куница.
— Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

— Скорей всего, ты — свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сглупу забралась на ёлку!
— Сдаёшься? — спросил голосок.

Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я... белку!

— Запомни! — сказала она. — Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не только орешки.

ПТИЧЬИ ПОСТЫ

Залетела осенью на нашу речку серая цапля. Стал я за ней охотиться. Да только время зря потерял.

Ноги у цапли высокие, шея длинная. Вытянется, жёлтым глазом с высоты поведёт — сразу увидит охотника. Днём от её глаз не спрячешься.

Стал я ночью счастье пытаться.

Я так думал: замечу с вечера, на какой речной косе цапля сядет на ночлег, и ночью, в темноте, подтаюсь к ней.

Лёг я с вечера на высокий берег и стал смотреть.

Вода в реке розовая, и сизый парок над ней шевелится. На розовом речная коса — как чёрный клин. И на самом острие клина — точка. Это цапля. Днём по такому открытому месту подобраться и не думай. Тут всё как на ладони. А вот ночью попробовать можно. По песку можно тихо пройти. Заблудиться негде — справа и слева вода. Прямо к цапле и выйду.

Солнце опустилось за лес. Река стала серой. Холодом потянуло. Жду. Вот и первые звёздочки на небе: одна, две, три... Пора! До полной темноты добрался я до кустов у основания косы.

Тишина. Слышно только, как вода под берегом бормочет да сердце моё стучит.

Постоял, отдышался, ружьё половчее перехватил: ни пуха ни пера!

Но только шагнул — хрустнула под сапогом сухая тростинка! Я замер. Но, кажется, обошлось. Только луговые коньки в тростнике услышали — перепискнулись. Коньков кулички слышали — ответили с косы тонким

куличным свистом. Еще дальше селезень крякнул. И стихло всё.

Крадусь по песку чуть слышно.

Чувствую, что суживается клин косы всё больше и больше — всё громче бормочет вода справа и слева. И какой-то шорох — то ли ветерок, то ли птичьи крылья.

Стоп! Конец косы, самое остриё. А цапли нет!

Свечу фонариком: вот следы трёхпалые на песке, белые кляксы, пёрышко серое. Только что тут была!

Топчусь по песку на одном месте. Увидеть цапля меня не могла. Ночь — хоть глаз выколи. И услышать не могла. По песку я неслышно шёл, а что тростинка под сапогом хрустнула, так то полкилометра от цапли. Разве хруст тростинки за полкилометра слышен?

Тростинка... А зачем ей тростинка? Цапля другое услышала!

Хрустнула тростинка — всё равно что сказала: «Враг!» Услыхали хруст только коньки в кустах. Услыхали и пискнули по-своему: «Враг! Враг!» Коньков кулики услышали, по-куличному свистнули: «Враг!» Куликов — утки. Утиный кряк услышала цапля. Все насторожились.

Я ещё далеко, а про меня уже все знают, все ждут. Не спят, прислушиваются, всматриваются.

Кулички крылышками прошумели — утки шеи вытянули: близко! Утки взлетели — цапля приготовилась. И улетела.

Вот что значит наступить на тростинку, когда вокруг тебя птичьи посты!

Хитрые птицы! На ночлег так садятся, чтобы их кто-нибудь да сторожил.

Коньков — тростинки сухие сторожат. Куликов — коньки. Уток — кулики. А цапля ночует посреди стаи уток. Попробуй-ка захвати таких врасплох!

Здорово у птиц: всяк питит за себя, а польза всем!

Так и не добыл я для музея цаплю. Не сумел перехитрить птиц.

ЖАБИЙ КОРОЛЬ

Царевну-лягушку на белой кувшинке я и раньше встречал. А теперь повстречал и жабьего короля! С белым пушистым пером на голове.

Король прыгал, и белое перо-султан мелькало в сумеречной траве. А когда голый король шагал раскорякой на своих четырёх кривых лапках, перо виляло из стороны в сторону, словно веер. Перо ему было к лицу. Белый султан на бугристой короне. Прямо над бессмысленным золотым глазом. Совершенно непонятный и необъяснимый. Даже сказочный.

Непонятный и необъяснимый... если бы рядом не стоял курятник! Из него-то жаба и выползла. Там-то и прилипло к её голове пушистое куриное пёрышко.

В КОНЦЕ ТАИНСТВЕННОГО СЛЕДА...

Сверху озерко с песчаным пляжем казалось голубым блюдечком с золотой каёмочкой. Не бороздили воду рыбачьи лодки и не топтали песок грубые ребячьи сапоги. Безлюдно вокруг. А там, где безлюдно, там всегда многоптично и многозверно.

Я приходил к озерку смотреть звериные росписи на песке. Кто был, что делал, куда ушёл?

Вот лиса воду лакала, ножки намочила.

Зайчишка на плюшевых лапках проковылял.

А вот след со звериными когтями и утиными перепонками — это выдра из воды вылезла.

Знакомые следы знакомых зверей.

И вдруг следок незнакомый! Бороздки и двоеточия: то ли зверёк, то ли птица, то ли ещё кто? Пересек след песок и исчез в кустах.

Вот ещё непонятный след — бороздка протянулась из кустов и пропала в траве.

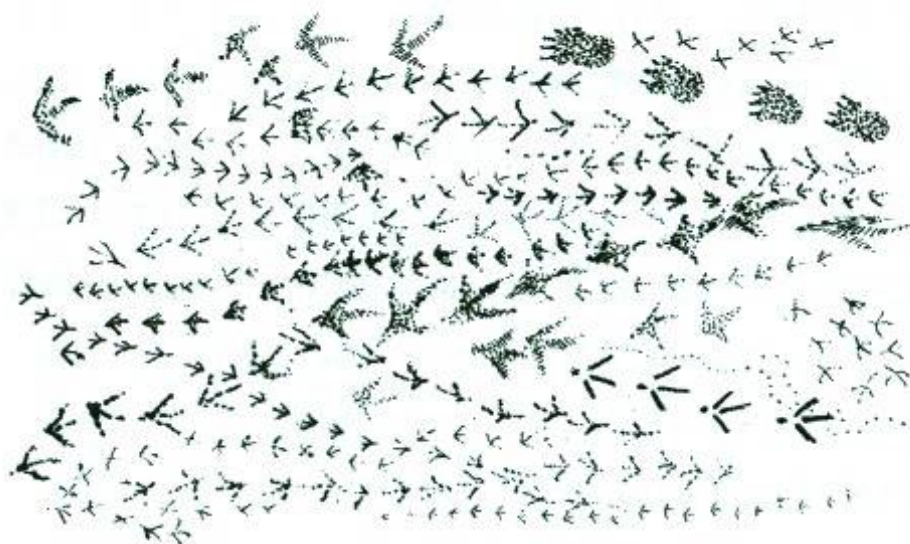
Следы, следы: незнакомые следы незнакомых жителей берега.

Кто там, в конце этих бороздок, двоеточий, чёрточек? Скачет он, ползёт или бежит? Чем покрыто его тело — перьями, шерстью или чешуёй?

Ничего не известно.

И потому интересно.

Потому я и люблю приходить на безлюдный бережок озера, похожего на голубое блюдечко с золотистой каёмочкой.

Сентябрь

Сыплет осенний нудный дождь. До листика вымокли кусты и деревья. Лес притих и насупился.

И вдруг осеннюю тишину нарушает ярое, прямо весеннее бормотание тетерева!

Певчий дрозд откликнулся — просвистел свою песню.

Затенькала птичка-капелька — пеночка-теньковка.

И на опушке, и в глубине леса слышались птичьи голоса. Это прощальные песни птиц. Но и в прощальных песнях слышится радость.

Станный в сентябре лес — в нём рядом весна и осень. Жёлтый лист и зелёная травинка.

Поблёкшие травы и зацветающие цветы. Сверкающий иней и бабочки. Тёплое солнце и холодный ветер.

Увядание и расцвет.

Песни и тишина.

И грустно и радостно!

ОСЕНЬ НА ПОРОГЕ

— Жители леса! — закричал раз утром мудрый Ворон. — Осень у лесного порога, все ли к её приходу готовы?

Как эхо, донеслись голоса из леса:

— Готовы, готовы, готовы...

— А вот мы сейчас проверим! — каркнул Ворон. — Перво-наперво осень холоду в лес напустит — что делать станете?

Откликнулись звери:

— Мы, белки, зайцы, лисицы, в зимние шубы переоденемся!

— Мы, барсуки, еноты, в тёплые норы спрячемся!

— Мы, ежи, летучие мыши, сном беспробудным уснём!

Откликнулись птицы:

— Мы, перелётные, в тёплые края улетим!

— Мы, оседлые, пуховые телогрейки наденем!

— Вторым делом, — Ворон кричит, — осень листья с деревьев сдирать начнёт!

— Пусть сдирает! — откликнулись птицы. — Ягоды видней будут!

— Пусть сдирает! — откликнулись звери. — Тише в лесу станет!

— Третьим делом, — не унимается Ворон, — осень последних насекомых морозцем прищёлкнет!

Откликнулись птицы:

— А мы, дрозды, на рябину навалимся!

— А мы, дятлы, шишки начнём шелушить!

— А мы, щеглы, за сорняки примемся!

Откликнулись звери:

— А нам без мух-комаров спать будет спокойней!

— Четвёртым делом, — гудит Ворон, — осень скукою донимать станет! Туч мрачных нагонит, дождей нудных напустит, тоскливые ветры науськает. День укоротит, солнце за пазуху спрячет!

— Пусть себе донимает! — дружно откликнулись птицы и звери. — Нас скукою не проймёшь! Что нам дожди и ветры, когда мы в меховых шубах и пуховых телогрейках! Будем сытыми — не заскучаем!

Хотел мудрый Ворон ещё что-то спросить, да махнул крылом и взлетел.

Летит, а под ним лес, разноцветный, пёстрый — осенний.

Осень уже перешагнула через порог. Но никого ни-сколечко не напугала.

НА ВЕЛИКОМ ПУТИ

Спешили мы до ночи в лес попасть — не успели. Заночевали в поле. Палатку привязали к телефонному столбу. Потому что тучи на небе кипят: быть буре! И только устроились — задуло. Стенки палатки напружинились и загудели. Загудели и провода над головой. Страшно в такую ночь в голой степи.

Гудит вокруг, ревёт, свистит, воет.

И вдруг слышим голоса! Станные голоса. Будто кто-то вздыхает тяжело: «Ох! Ох! Ох!» А другой подгоняет сердито: «Но! Но! Но!»

Выбрался я из палатки. Как в чёрный водоворот нырнул: крутит, толкает, не даёт дышать. Но всё же разобрал — голоса-то с неба! Птицы кричат.

Летят птицы на юг и вот кричат в темноте, чтобы не потерять друг друга.

Большие и сильные высоко летят. А мелюзга разная — голосишки пискливые, крылышки мокрые дребезжат! — над самой землёй мчат. Гонит их вихрь, как сорванные листья. Не разобрать по голосам — что за птицы? На пролёте птицы кричат особыми, «дорожными» голосами, не похожими на их всегдашний зов.

Всю ночь рвал палатку ветер. Гудели провода. И кричали в темноте птицы.

А утром тишина. Ни туч, ни ветра. Солнышко проглядывает. А ничего живого не видно.

Вот только лисичка вдоль столбов бежит. Да чудная какая-то — бежит и кланяется! Пробежит — поклонится, пробежит — поклонится. Поклон — носом до земли.

До нас добежала — стоп! Пастишку разинула, вильнула, да так по земле пошла, что кажется — над землёй полетела!

А когда вильнула, выронила из пастишки чёрный комочек. Пошёл я посмотреть. И вижу — птичка! А дальше под проводами ещё. Ночью о провода побились!

Так вот почему кланялась лисичка! Каждой мёртвой пичужке — лисий поклон.

Сколько тут птиц! Рыжегрудые зорянки упали на сухой бурьян, и бурьян расцвёл оранжевыми цветами. Куличок угодил в лужу — заломившееся крылышко торчит вверх. Гонит ветер мёртвого куличка, как лодочку под парусом.

У лужи — каменка. Тонкие пальчики стиснуты в кулачки, видно, от боли...

Далёк, далёк и труден птичий путь. Много ещё птиц потеряется в темноте и не откликнется на зов пролетающих стай. Много попадёт в зубы лисиц и когти ястребов. Но ещё больше долетят.

Обязательно долетят.

Счастливого им пути!

Октябрь

Всё лето листья подставляли солнцу свои ладошки и щёчки, спинки и животики. И до того налились и пропитались солнцем, что к осени сами стали как солнышки — багряными и золотыми.

Налились, отяжелели — и потекли.

Полетели иволгами по ветру. Запрыгали белками по сучкам. Понеслись куницами по земле.

Зашумел в лесу золотой дождь.

Капля по листику щёлкнет — сорвётся лист. Синицы на ветке завосятся — брызнут листья по сторонам. Ветер вдруг налетит — закружится пёстрый смерч. А если тяжёлый косач с лёту вломится в ветви — хлынет сверкающий водопад.

По колено в листьях деревья стоят.

Ёлочки листьями украсились.

Папоротники под листьями пригрелись.

Грибы под листьями спрятались.

Листья шуршат, скребутся, лопочут. Листья летят, скачут, плывут. Листья качаются на паутинках. Листья вверху, внизу и вокруг.

Шумит золотой дождь.

ДЕРЕВЬЯ СКРИПЯТ

Каждое скрипучее дерево на свой лад скрипит. Интересно слушать в лесу этот скрип. Раньше, бывало, я все ночёвки свои только под скрипучими деревьями и устраивал. Солнце за лес — и начинаешь прислушиваться. Как услышу — скрипит! — тут и рюкзак сбрасываю.

Валежник собираешь — оно скрипит, рогульки для котелка вырубаешь — скрипит, лапник стелешь — всё скрипит, скрипит...

И за треском костра слышен скрип, и за бульканьем чая. Сквозь дремоту, всю ночь, — скрип да скрип.

К утру уже знаешь, почему скрипит.

То растут два дерева тесно, упёрлись друг в друга сучьями, одно другое отталкивает, отпихивает — вот и скрипит. Бывает, ветер повалит одно другому на плечи — тоже оба скрипят.

Иное на вид живо-здорово, да сердцевина трухлява: чуть ветерок — скрипит. А то снег зимой в дугу скрючит — за всё лето распрямиться не может. Стоит гнущее, голова лохматая в землю уткнута, — тоже скрипит.

Наслушался я по лесам скрипа. Ни рощи нет, ни бора и ни дубравы, где бы дерево не скрипело. И каждое по-особому. И каждое о своём...

УПРЯМЫЙ ЗЯБЛИК

Октябрь так птиц пугнул, что иные до самой Африки без оглядки летели! Да не все такие пугливые. Другие и с места не тронулись. Ворона вон — хоть бы ей что! Каркает. Галки остались. Воробьи. Ну да с этими Октябрь и связываться не хочет. Этим и Январь нипочём! А вот за зябликов взялся. Потому что фамилия у них такая — Зяблик — и должны они Октября бояться. Взялся — и всех разогнал.

Один только остался. Самый упрямый.

— Зяблик ты, так зябни! — рассердился Октябрь.
И стряхнул термометр.

А зяблик не зябнет!

— Небось озябнешь! — разбушевался Октябрь.
И давай зяблику под перо ветром дуть.

А зяблик не зябнет! У него от озноба верное средство — тугой животок. Прыгает по веткам, как по ступенькам. И склёвывает: то жука, то семечко. А раз животок тугой, то и температура у него нормальная птичья — плюс сорок четыре градуса! С такой температурой и в октябре май.

— Холодом не пронял — голодом доконаю! — скрипнул Октябрь морозцем. И так ветром дунул, что сдул с деревьев все листья и всех насекомых.

А зяблик — порх! — и на землю. Стал на земле кормиться.

Октябрь на недельку задумался, потом землю дождичком sprysнул и морозцем застудил.

— Ужо тебе!

Раззадорился зяблик — порх! — и наверх.

— Ты землю заморозил, а я рябину мороженную клевать буду. Была не была!

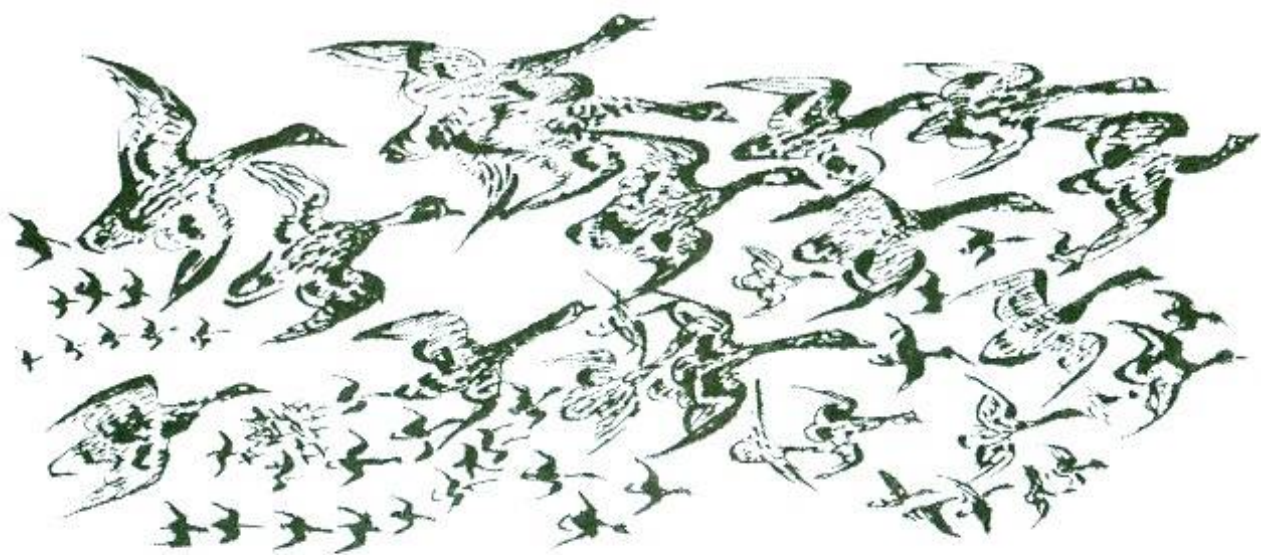
И стал клевать рябину.

Посинел Октябрь от злости. Ветром дует. Дождём по-
лощет. Снежком сечёт. И морозцем прихватывает, при-
хватывает...

А зяблик не зябнет. Рябина-то от мороза только
вкусней становится!

Ноябрь

Сыплет белый снег на чёрную землю.

Всё вокруг становится пегим.

Лес полосатый, как бока зебры. Борозды пашни — как клавиши у рояля.

На белых речках — чёрные полыньи, на чёрных дорогах — белые лужи. На бело-чёрных берёзах чёрно-белые сороки сидят.

«Приехал ноябрь на пегой кобыле».

Чёрное озеро и белые берега. Чёрные пни в белых шапках. Чёрные галки над белым полем.

Белые зайцы на чёрной земле. Белые муравейники у чёрных стволов. Белые кочки на чёрном болоте.

Всё двухцветное и рябое.

Чёрный дом с белой крышей. Белый дым из чёрной трубы. Чёрный стог с белым боком.

Одно небо ровное — серое и глухое.

Ни звонкого голоса, ни гулкового эха.
Всё как-то исподволь, шёпотом, стороной.
То дряблая оттепель, то упругий мороз.
Сыро и серо, пусто и глухо.
Полузима — полуосень, полудень — полувечер.
Робко напутали, напетляли по снегу птицы и звери.
А человек прошагал — как расписался.
Чётко и твёрдо — как чёрным по белому.

ПОЧЕМУ НОЯБРЬ ПЕГИЙ?

Высунулась из-за леса снеговая туча, наделала в лесу переполоху!

Увидал тучу Заяц-беляк да как заверещит:

— Скорей, туча, скорей! Я давным-давно белый, а снегу всё нет да нет! Того и гляди, охотники высмотрят!

Услыхала туча Зайца и двинулась в лес.

— Нельзя, туча, назад, назад! — закричала серая Куропатка. — Землю снегом засыплешь — что я есть стану? Ножки у меня слабые, как я до земли дорожусь?

Туча двинулась назад.

— Давай вперёд, нечего пятиться! — заворчал Медведь. — Засыпай берлогу мою скорей: от ветра и мороза укрой, от глаза чужого спрячь!

Туча помедлила и опять двинулась в лес.

— Сто-ой, сто-ой! — завыли волки. — Насыплешь снегу — ни пройти, ни пробежать. А нас, волков, ноги кормят!

Туча заколыхалась — остановилась.

А из лесу крик и вой.

— Лети к нам, туча, засыпай лес снегом! — кричат одни.
— Не смей снег высыпать! — воют другие. — Назад поворачивай!

Туча то вперёд, то назад. То посыплет снежком, то перестанет.

Потому-то ноябрь и пегий: то дождь, то снег, то мороз, то оттепель. Где снежок белый, где земля чёрная.

Ни зима, ни осень!

СИНИЧИЙ ЗАПАС

Собирать в запас — значит себя спасти. Каждый спасает себя на свой лад. Суслик зерно с полей ворует и прячет в свою нору. Даже особые кладовые роет для ворованного зерна. Водяная крыса забивает отнорки картошкой. До пуда, бывает, натаскает. Сыч на зиму замораживает в дупле, как в холодильнике, мышей и птичек. У одного такого запасливого сыча нашли однажды целых два килограмма лесных мышей! А один горностай сложил в норе пять водяных крыс, семь полёвок, синичку, гадюку, ящерицу, тритона, лягушку и плавунца!

Всё это — на чёрный день.

Запасают как могут, где могут. Все по-разному, но все для себя: в своей кладовой, в своём дупле, в своей норе.

И только одни весёлые синички-хохлатки собирают запасы совсем не так. Хоть они и весёлые, но и у них бывают чёрные дни. И потому запасают они неустанно. Жучок, паучок, муха — годится. Семечко, зёрнышко, ягодка — подойдёт. Нет у них собственных кладовых: ни норок, ни дупел. Была бы удобная трещинка в коре, особенно под сучком, куда не пробьётся ни дождь, ни ветер.

В лесу деревьев — не сосчитать. И на каждом найдётся укромная трещинка. С дерева на дерево, с сучка на сучок, от трещинки к трещинке. Куда жука, куда зёрнышко; осенью еды много. А зимой и сушёному комару будешь рад.

Сотни деревьев, тысячи кладовых. Но разве все их запомнишь?

А их и не надо запоминать: кладовые-то эти для всех! Не всё ли равно, чей запас ты найдёшь: свой или чужой? Ты чей-то склевал, и твой кто-то забрал. Ты для всех, и все для тебя.

Чёрный день всем страшен: всем надо иметь запас. А собирать его можно по-разному. Можно как крыса — только себе. Или как синичка-хохлатка — для всех.

Декабрь

Всё куда-то скрылось и подевалось. Звуки приглушены, запахи заморожены. Время тянется еле-еле. Где вы, зелёные листья? Где вы, густые травы? Где вы, пёстрые бабочки?

Льды закрыли озёра, снега укутали землю. Солнце всё ниже и ниже. А тени длинней и длинней. И день короче воробьиного носа.

Сумерки старого года...

И вдруг что-то случилось!

Солнце всё выше и выше, тени короче и короче. И день хоть на воробьиный скок, а прибавился.

Значит, солнце повернуло на лето. Пришёл рассвет нового года. Совершился солнцеворот!

И не страшно теперь, что всё куда-то скрылось и подевалось. Что звуки приглушены, запахи заморожены. Что вместо листьев одни только почки, вместо трав одни семена, а вместо бабочек — только куколки. Будет

всё — было бы солнце. Теперь всему свой черёд — только срок дайте!

Путешествие продолжается.

Мы летим к солнцу.

СУД НАД ДЕКАБРЁМ

Собрались на озере птицы и звери.

Декабрь судить.

Уж очень все от него натерпелись.

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я в ночную смену работаю, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. Того и гляди, от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.

Из полыньи вдруг высовывается Налим и булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон, но судит дальше:

— Снега в Декабре очень плохие: сверху не держат и до земли не дороешься. Измучились все, отощали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а что с Декабрём делать — неизвестно. Оставлять или выгонять?

Опять закричали все:

— А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!..

ЖАДНАЯ СОЙКА

Зимой самая добычливая охота с фоторужьём — у жилья. «Добыл» я тут и сороку, и ворону, и галку. Но никак не давалась мне сойка. И не потому, что очень уж осторожна. Осторожна и пуглива она в лесу — что правда, то правда. А у жилья она куда глупее сорок, ворон и галок. Эти к человеку весь год приглядываются, доверяют только тем, кто внимания на них не обращает. А сойка — вольная птица. У жилья она бывает только зимой и потому не знает всех человеческих хитростей.

На прикормку сойка летит доверчиво и жадно. Но из-за этой-то жадности и трудно её снять. Вдруг появится, стукнет коготками жёсткими по деревянной доске, кинется к куску, взмахнёт широкими крыльями — и уже в воздухе. Спрячет кусок в лесу — за вторым летит. Опять стук коготков, быстрый взмах крыльев — в глазах рябит:

рыжее, белое, чёрное! От леса к дому, от дома к лесу, кусок за куском, туда-сюда — ни навести не успеть, ни снять.

И вдруг удача! Помогла та самая соечья жадность, которая до сих пор так мешала. Жадность и... три картошки.

Положил я на стол картошки. Одна другой меньше. Сам залез под шапку-невидимку. Вот стук коготков, быстрый взмах крыльев: сойка хватает крайнюю маленькую картошку. Схватила, выпрямилась — сейчас улетит! Но — чудо! — сойка не улетела, сойка растерялась! Сойку одолела жадность, она бросила маленькую картошку, схватила побольше. А рядом-то лежит ещё больше! Бросает среднюю и хватает самую большую. Теперь скорей в лес. Но жадность, жадность! Сойка склоняет шею, ёрзает клювом по доскам, исхитряется прихватить к большой картошине ещё и маленькую. А я успеваю её снять.

Теперь-то я знаю, что делать!

С помощью разных картошин я стану командовать жадной сойкой как захочу. И даже не разных, а двух одинаковых. Да-да, совсем одинаковых, только обязательно двух!

На столе две одинаковые картошки. Стук коготков — и сойка хватает одну. Но кажется завистливому глазу, что рядом больше кусок. Отброшена первая, в клюве вторая. Нет, вторая вроде полегче. Брошена вторая, скорей за первую!

А я снимаю, снимаю, снимаю...

А соечный глаз горит, горит. То первая картошина в клюве, то снова вторая. То вторая, то снова первая.

Я снимаю, снимаю, снимаю...

И глаза мои тоже горят, и жадность одолевает. Давно снята сойка, а я всё снимаю, снимаю, снимаю...

Содержание

ЯНВАРЬ	7
Кусок хлеба	8
Своя песня	9
Синичка необыкновенная	10
 ФЕВРАЛЬ	 12
Бюро лесных услуг	13
Песенки подо льдом	14
Еловая каша	16
 МАРТ	 17
Заячий хоровод	18
Первые	19
Тёплая струйка	21
Сногшибательный душ	22
 АПРЕЛЬ	 24
Оттаявшие происшествия	25
Певица	26
Лебеди	27
Целая жизнь	29
Плясуны	30
Дятлово колечко	31
 МАЙ	 33
Птицы весну принесли	34
Горячая пора	34
Сиплая кукушка	35
Воробьишкина весна	36

ИЮНЬ	42
Лесные тайнички	43
Птенцы-хитрецы	46
Весёлая игра	54
Вороний глаз	55
 ИЮЛЬ	 57
Тень	58
Приёмыши	59
Поганчики	62
Бежал ёжик по дорожке	64
Медовый дождь	65
Первый полёт	66
 АВГУСТ	 68
Федот, да не тот!	69
Загадочный зверь	72
Птичьи посты	74
Жабий король	76
В конце таинственного следа... ..	76
 СЕНТЯБРЬ	 78
Осень на пороге	79
На великом пути	80
 ОКТЯБРЬ	 82
Деревья скрипят	83
Упрямый зяблик	84
 НОЯБРЬ	 86
Почему ноябрь пегий?	87
Синичий запас	88
 ДЕКАБРЬ	 90
Суд над декабрём	91
Жадная сойка	92

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Литературно-художественное издание

СЛАДКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

Ответственный редактор *Светлана Лисина*
Художественный редактор *Егор Саламашенко*
Корректор *Екатерина Волкова*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 10.11.2010.
Формат издания 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,0. Тираж 7000 экз.
Изд. № 91052. Заказ № 1015230.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049 Ярославль, ул. Свободы, 97

Оглянитесь вокруг, посмотрите под ноги — везде жизнь, таинственная и удивительная. Она служит нам, она радует нас, удивляет и просветляет. Но мы должны её уважать и беречь. Без нашего внимания и помощи, сама по себе она может не устоять. Конечно, это дело в первую очередь для взрослых людей. Но и ребята — школьники и дошкольники — тоже могут помочь. Особенно если они сначала узнают и полюбят природу. Вот для этого и пишутся книги.

Заставить любить природу нельзя. Но помочь полюбить — можно. И если книжки мои помогут вам полюбить природу, то общение с нею непременно сделает вас лучше, чище, терпимее. Для ребят жизнь станет ещё интереснее, а для взрослых — богаче и мудрее.

Николай Сладков

З В Е Р И

П Т И Ц Ы

Ф | амфора

amphora.ru